

Кристина Юраш

Сказочный
Сон

Кристина Юраш

СТИХИЙНЫЙ СОН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40651258

ISBN 9785449629296

Аннотация

Кому-то снятся розовые бегемоты, а мне – магические поединки за деньги. Сон реален, поэтому у меня две жизни. Одна – в нашем мире, другая – в Кадингере, где единственное развлечение – магические бои без правил. Я – лузер. Я умею лишь пускать дым, но когда я в первый раз оказалась в круге, я повстречала человека, которого возненавидела до такой степени, что однажды захотела проснуться с ним вместе...

Содержание

Аннотация	5
Глава первая. Пятый угол и пятая колонна	7
Глава вторая. Пускать по кругу	34
Глава третья. Самая обонятельная и увлекательная!	52
Глава четвертая. Опытная подопытная крыса	71
Глава пятая. Путевка на двоих	88
Глава шестая. Статус Ква!	111
Глава седьмая. Победителей не будят!	135
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Стихийный сон

Кристина Юраш

© Кристина Юраш, 2019

ISBN 978-5-4496-2929-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Сны снятся каждому! Мне тоже раньше снилась всякая чепуха, но однажды я легла спать и вместо привычного сумбура я отчетливо увидела мир вечной ночи, в котором стоит единственный уцелевший в результате магического катаклизма город Кадинггер. Мир вечной ночи, единственный город на земле, который живет магическими поединками без правил. В Кадинггере царит один закон: «выжил – молодец!». Все маги сражаются за корону, которая дает ключ от города, за стенами которого рыскают страшные твари.

Я -не великий маг! Я просто умею пускать дым! Считайте меня магически-недоразвитой! Ни один учитель не станет связываться со мной, понимая, что кроме дыма от меня ничего не добьешься! Даже если я выучу всю теорию магии назубок!

И теперь больше всего на свете я мечтаю, чтобы все стало так, как было до... Я мечтаю видеть розовых бегемотов, красавцев – мужчин, всякую белиберду! Я хочу отдышаться, а не сражаться... Но маховик запущен, и у меня есть выбор – либо рабство, либо – бой. Еще бы! В первую секунду своего появления я случайно встала на пути мощного мага Феникса, абсолютного лидера турнирной таблицы, который должен был получить корону! И теперь наши судьбы связаны. Он дисквалифицирован, теперь я вместо него... Я меч-

таю проснуться вместе... Вместе с ним... Но он мало того, что не любит рыжих, ненавидит веснушчатых, а фраза «не сошлись характерами» – это про нас!

Я сражаюсь в кругу против мощных магов, рискую своей жизнью, пытаюсь подняться по турнирной таблице, но шансов мало...

Глава первая. Пятый угол и пятая колонна

- А потом мы решили узаконить отношения!*
- Штамп в паспорте?*
- Нет, штамп в справке!*

Я даже не поняла, как именно мы познакомились, но уже вечером, на жарких, раскаленных простынях я металась и стонала, чувствуя мучительные приступы слабости. Утром была мелкая трясучка озноба и слипшийся комок мыслей, сводившихся к слову «угораздило». В теплом домике из одеяла я лежала и смотрела воспаленными глазами в стену, сгорая от стыда. Наши отношения развивались стремительно и предсказуемо, как сюжет в пафосном индийском блокбастере. Помню, как предложила узаконить это безобразие, но он снова потянул меня в кровать, намекая на огромные очереди и бюрократию. Еще бы! Он был категорически против даже моей работы. И лишь когда мне позвонили и потребовали срочной явки, он сдался, изъявив желание познакомиться с моими коллегами. Почему-то из всех он выбрал именно Свету, чтобы несколько дней судорожно метаться между нами. Помню, как Света смотрела на меня с укором в покрасневших глазах, помню, как мне почему-то было неловко перед ней. Когда она не вышла на работу, мне

стало понятно: у них серьезно и надолго. Мне оставалось лишь вспоминать бессонные ночи, попивая его любимый чай с большой долькой лимона, кутаясь в его любимое одеяло. Рядом со мной лежал носовой платок, в который я роняла скупые сопли. Да... Такого гриппа в моей жизни еще не было.

– Леся, крути педальки быстрее! Тебя уже ждут! – игриво возмутился один мужчина в самом расцвете сил, по кличке «Карлсон». Жизнерадостный толстенький балагур – директор с остатками рыжей шевелюры и внушительным брюшком очень любил пошутить. Над сотрудниками. В присутствии клиентов. «Ой, Света, а у тебя – двойной подбородок! Третьего ждем?» – прикалывался он, поглядывая на солидного заказчика. «Дима, ты про эту девушку говорил, когда хвастался чистыми носками?» – веселился директор, глядя на молоденькую заказчицу. «Леся, протри монитор и нос! А то мухами засижено!» – балагурил наш руководитель, глядя, как я пытаюсь вразумить принтер, шмыгая своим веснушчатым безобразием. «Я разрядил обстановку!» – невозмутимо пожимал плечами Карлсон, удивляясь, как это он еще не выступает на одной сцене с метрами отечественного юмора? Но мы уже готовы были скинуться ему на путевку для сплава по реке на большом теплоходе вместе с единомышленниками, но пока столько не зарабатывали. «По реке плывет директор ООО „Проект-монтаж“. Не волнуетесь, не утонет благодетель наш!» Карлсон, который жи-

вет «на крысе», потихоньку «крысятничает» нашими зарплатами, но и мы в долгу не остаемся, тихонько «крысятничая» заказами в обход фирмы. Так и выживаем.

Разведя ноги, постанывая и думая о переднем месте, я ехала в автобусе. Я на всякий случай поискала глазами табличку «Экскурсии для гномов и хоббитов к Одинокой горе», понимая, что хоббиты и гномы, после победы над злом, обросли льготами, и сидячие места предусмотрены исключительно для них.

С немым укором я посмотрела на большущую тетку с шуршащим пакетом, которая положила огромную руку на спинку моего сидения, не прекращая рассказов невидимому собеседнику о тридцати трех несчастьях, постигших семью Игнатенко. Икалось всем членам семьи, включая тех, кто недавно переехал на покой, и тех, кто еще не успел родиться. За время повествования мне показалось, что родились все члены семьи даже не в понедельник, а в пятницу тринадцатого, сразу после того, как баба с пустым ведром перебежала дорогу черной кошке, чтобы тут же быть убитой невесть откуда взявшейся молнией в виде акции кармического устрашения.

Автобус вкопался на светофоре, аккурат напротив объявления на столбе: «Куплю волосы. Дорого!». Я еще раз с подозрением посмотрела на попутчицу. Наверняка есть специальные люди, которые постигли искусство вырывания женских волос в общественном транспорте, чем, собственно,

и зарабатывают на жизнь. Судя по объему пакета и моим потерям по вине мадам, рыжие волосы сейчас в цене, и еще две остановки обеспечат ей «достойную зарплату», а мне – вынужденные проплешины. Я быстро сплела косичку, забилась в угол сидения и прижала к груди черновик проекта и ноутбук.

Тетка еще раз оперлась о спинку моего сидения, нависая надо мной всей тушей. Судя по громкости разговора, собеседник мог прекрасно слышать мадам и без телефона, даже находясь на другом конце города. Через две остановки она уже щедро давала советы всему автобусу по уходу за ребенком.

– Извините, а вы не могли бы положить руку на поручень? – возмутилась я, заворачивая остатки волос в гульку и сдвигаясь к окну. – И на полтона тише, пожалуйста...

– Слышь, ты, хамло, рот закрой! Не указывай мне, как стоять! – огрызнулась мадам, чтобы тут же переключиться на телефон, – Олечка, ты клизму не ставь! Ни в коем случае! Он потом у тебя этим... вырастет! Ты меня поняла... Лучше дай ему таблеток... Сейчас-сейчас... «Дристалгон»... Нет, кажется, «Какалгин»! Забыла, как называются... Посмотри в интернете...

Тетка медленно перешла от темы «недорослей» на тему «у кого что болит» и «кто чем лечится». В разгар пугающих объяснений про новый коварный штамм вируса гриппа, который чихать хотел на антибиотики, я решила громко по-

кашлять, достав сморщенный платок. Если мой бывший перейдет к ней, то я была о нем лучшего мнения! Кашляла я так, словно из меня лезет сам дьявол. Тетка с суеверным ужасом покосилась на меня. Я снова зашла в приступе мнимого кашля, а потом трубно высморкалась в платок. Через пару секунд «слониха» стала продвигаться по салону, сминая всех на своем пути, чтобы отодвинуться подальше от источника заразы. «Источник заразы» тут же спрятал платок и проверил телефон.

Клиенты настойчиво вызванивали меня, пока я смотрела на длинную и унылую пробку. Последние спокойные минуты моей жизни. Мой мозг готовился к свиданию, лихорадочно перебирая мысли, как модница гардероб, пытался приукрасить действительность, как красавица с косметичкой, причесывал все планы и понимал, что сейчас ему придется целиком отдаться работе.

Бывают такие клиенты, в процессе общения с которыми приходится на всякий случай лезть в Уголовный Кодекс и узнавать, сколько дают за убийство в состоянии аффекта. Эти люди достанут тебя из-под земли, выкопают из могилы, найдут в реанимации, вырвут из комы и отдерут от капельницы, чтобы нежно и с наслаждением заняться любовью с твоими полушариями. Было у меня такое чувство, что я откликнулась по объявлению: «Семейная пара господ ищет девушку – рабыню для частых встреч на нейтральной территории». Устав заниматься истерически-оральной любовью с полуша-

приями друг друга, они решили найти кого-то третьего.

Пока мои политически-зависимые соседи смотрят передачи про всемирный заговор, скрипя «массонским ложем» и подвергая всех на площадке «санкциям» в виде полит информации на повышенных децибелах в ночное время, мне в страшных снах снится пятая колонна. Именно на ней держится длинный, как кишечник, балкон. Легким движением алчной руки финансового кризиса роскошный дворец с огромными окнами превратился в теремок. Теремок мерзко щурился «туалетными» бойницами, скинув с себя все архитектурные излишества. Есть у меня вполне обоснованные предположения, что на этой мансарде разместят тех самых гномов, которые уже съездили на экскурсию и мечтают отдохнуть в тишине и покое. На эту мысль наталкивают окна-бойницы на уровне колен и общая высота потолков – полтора метра. Но пока утешаю себя мыслью о том, что в переводе с древне – персидского «сарай» переводится, как «дворец», а это, что я – мастер «дворцовых» ансамблей с прилегающим курятником, поросятником, собачатником, козлятником и гаражом.

– Ни в коем случае не уменьшайте площадь! – в один голос орали заказчики, стоя у меня над душой и елозя пальцами по монитору. Если бы у меня была книга «Камасутра для мозгов», то я робко протянула им книгу и ручку и скромно попросила у них автограф.

Они караулят меня с утра, как в шпионских триллерах,

приезжают в обеденный перерыв, заставляют сидеть на работе до десяти вечера, выслушивая многочисленные пожелания, а потом звонят ближе к двенадцати ночи, дабы удостовериться в том, что я про них не забыла. Где-то затаился настоящий монстр – Мама. Именно Мама является основным генератором бредовых идей, большинство из которых были горячо поддержаны «инженером» и «дизайнершей». Они полагают, что проект, за который они собирались заплатить сущие копейки, торгуясь с директором до почечных колик, должен стать смыслом моей жизни. Я не должна забывать о нем ни на минуту! И если в одиннадцать вечера я не сразу «въеду» в тему разговора, сонно, оглядываясь по сторонам, если в час пик, когда с одной стороны меня подпирает бомж, а с другой бабка, пахнувшая перловкой, я не сразу вспомню расстояние от окна до центра комнаты, то это значит, что я «подхожу к вопросу несерьезно».

Есть вещи в этой жизни, которые можно измерять только ненормативной лексикой. Так вот, в эквиваленте ненормативной лексики этот «теремок» потянул уже на трехтомник, изданный и переизданный минимум пятью соавторами. Все специалисты, которые работали над «теремком» до меня, были «некомпетентными», а я – «не профессионал», что «сразу видно», но «чуть лучше других», о чем мне неоднократно напоминали при каждом удобном случае.

Судя по тому, что раньше над проектом работали Света Квакшина, Дима Мышенко, Катя Зайчук, Виктория Лиси-

цына, Павел Волков, то вполне логично, что «теремок» перешел «по наследству» мне, Лесе Медведевой. И мне предстояло развалить его окончательно.

Я добралась до работы и открыла проект. Отгадайте загадку? Без окон, без дверей, полна горница людей? Огурец? Не-ет! Огурец – это пятизвездочная гостиница по сравнению с трехконным бараком мутно-болотного цвета с длинным несуразным балконом. Говорила я мозгам, что если любви не избежать, то нужно просто расслабиться и получать удовольствие. Но мозги расслабляться не хотели, всячески противясь моральному изнасилованию.

Дверь открылась с игривым «тук-тук», и я поняла, что в этой семье царит полный матриархат. «Полный матриархат» тут же занял два стула, распределив вес сразу на восемь ножек, спустил со сморщенных рук ридикюль, скептически осмотрел наш офис, фыркнул себе под нос: «шарага!», – а потом поджал тонкие алые губы и брезгливо посмотрел на мою невытую кружку. За ней вбежал малец лет пяти в оранжевой кепке, прыгая от восторга, а под конец ввалились мои палачи.

– Пятую колонну нам не надо! – возмутилась заказчица, тыкая пальцем в трехмерную модель дома. – Игорь, иди, посмотри!

И тут сквозь последствия гриппа я ощутила удушающий запах едкого и кислого, как уксус с мускусом, мужского парфюма, вызвавшего у меня компактное чувство глубочайше-

го отвращения. В этот момент я была уверена, что туалетная вода называется «Верный муж» и продается в трехлитровых банках вместе с мощным разбрызгивателем для усиления «бракоохранительного» эффекта. Было у меня так же подозрение, что этот аромат был разработан в секретных лабораториях в качестве биологического оружия. Группу ученых – изобретателей по окончании эксперимента решили на всякий случай убрать как свидетелей, а рецепт положить в папку «Совершенно секретно» и запереть на кодовый замок. И вот, последний ученый, по законам жанра умирая от собственного «детища» в камере, куда пустили эту вонь, отчаянно барабанил в дверь, умоляя открыть ее, а потом поник, скользя ослабевшей рукой по пуленепробиваемому стеклу. А теперь разработки рассекретили и пустили на поток на радость потребителям.

– И-и-ира! И-и-игорь! – визгливо и по-старушечьи заметила неизвестно еще чья мать, ощупывая каталоги. – Надо к Коноваловым заехать. Мне Люся таз обещала!

– Я вам как инженер говорю, что будет держаться балкон без пятой колонны! – с гордостью заметил супруг, елозя пальцем по моему монитору. – У меня в онлайн-программах получался отличный дом! Мы же рассказывали вам, что в игре – симуляторе мы с женой построили такой

«Не путайте СНИПы и СИМы», – мысленно огрызнулась я, люто, до почечной колики ненавидя сопение на ухо, стояние над душой и тыканье пальцем в монитор моего ком-

пьютера. Я попыталась выглянуть и отследить взглядом, что умудрилась сломать «оранжевая кепка».

– И-и-ира! И-и-игорь! – снова раздался голос мамы. – Надо будет заехать к Наде. Она мне полотенца новые обещала!

Малец тем временем подбежал к принтеру и стал тыкать все кнопки подряд, открывая крышку и заглядывая внутрь. В тишине что-то щелкнуло, завалилось и раздалось детское: «ой!».

– Вы мне показывали! Очень интересно! – вежливо заметила я, стараясь разучиться дышать. Опять что-то завалилось.

– Прошу вас, успокойте вашего ребенка! – занервничала я. Родители даже не удосужились посмотреть, что доламывало их не в меру любознательное чадо, а лишь автоматически выдали: «Илюша! Сядь рядом с бабушкой!».

– И-и-игорь! И-и-ира! Надо будет заехать к Веселовым и попросить у них укропа! – отозвалась бабка, шурша каталогами. – А потом к Авериным. У них помидоры спели!

– Мы хотим максимально удешевить проект! – закатила глаза заказчица, поглядывая в сторону своего нервного благоверного. – Может, где-то продаются очень дешевые стройматериалы? Вы должны знать!

«Принесите из леса камни, ветки, мох, какашки, глину и закатайте рукава», – мысленно взвыла я, понимая, что сейчас лягу лицом на клавиатуру и забьюсь в предсмертных конвульсиях и судорогах.

– И-и-игорь! И-и-ира! Надо будет зайти к Ткаченко и взять у них огурцов! – снова выдала бабка. – А потом заехать к Ларисе за бутылками!

– Поищите акции в гипермаркетах, – снова вежливо улыбнулась я, глядя, как печатается «огурец». Всеобщая маман сидела на двух стульях и с омерзением пыталась когтем соскрести дорожную фасадную краску с образца. Принтер занервничал, заскрипел, а потом заглох.

– Мам! Пап! Сотри! – орало чадо, топя как стадо слонов. – Сотри сюда! Сотри, как я умею! Ля-я-янь!

У меня зазвонил телефон. Я сбросила, посмотрев кто меня хочет. Опять! Я снова сбросила. И снова! Да что там? Всех убили, а мой номер набрали окровавленными руками, чтобы прохрипеть «спаси меня»? Я снова сбросила. И снова! Пришлось взять трубку.

– Алло, Лесюнчик! У меня горе... – плаксиво заявил голос одной знакомой. – Ты говорить можешь?

– Нет, Марина. Я занята. Перезвоню позже, – закатила глаза я, глядя, как маман прячет веер образцов фасадных штукатурок себе в сумку.

– Короче, слушай, я вчера взяла его телефон, стала обзванивать все подозрительные номера, так вот, на номере «Коля Элитмонтаж», трубку взяла женщина!!! Представляешь! Она сказала, что она – жена Коли, а Коля сейчас в гараже... Но я не ве...

– Марина, я тебе перезвоню! – возмутилась я, сбрасывая

вызов. И снова звонок.

– Но я не верю... Это он просто договорился... Я не знаю, но чувствую, что он мне изме... – икал голос, а я снова сбросила вызов. Через минуту пришла СМС-ка. «Леся, я с тобой больше не разговариваю! Ты – просто хамка! У меня такое горе, а ты...»

Я увидела краем глаза, как малец взял с чужого стола маркер и стал рисовать на обложке распечатанного проекта, за которым в понедельник приедут заказчики. Я молча встала, раздвинула «родителей», подошла к юному дарованию и отобрала «этюдник» и «кисть».

– Вот зачем вы отобрали у ребенка фломастер! – возмутился отец, глядя на растерянного от моей «наглости» сына.

– Дайте ему свой паспорт! Пусть он в нем рисует! – нехорошим голосом заметила я, заталкивая проект на верхнюю полку. Подальше от детских рук.

– Так, Игорь! Мне не нравится, как она с нами разговаривает! И Илюшеньку обидела! – возмутилась «дизайнерша». При слове «обидела» Илюшенька торжественно встал в центре комнаты и зашелся такими рыданиями, от которых содрожались стены. В семье «инженера» и «дизайнерши» подрастал настоящий «артист». К всеобщему ору подключилась бабка. Она орала громче всех.

– Вы знаете, мы с вами не сработаемся! – заявил глава семейства. Маман с характерным «чмяк» отлипла от дерматиновых стульев, деловито пакуя в пакет наши образцы рулон-

ных штор. – Запомните, раз вы работаете сфере услуг, клиент – всегда прав! С таким подходом у вас не будет клиентов!

«Дизайнерша» уже истерически высказывала все, что обо мне думает, Карлсону. Дверь они закрыли от души. Да так громко, что наш впечатлительный принтер испугался и принялся допечатывать последние страницы проекта.

Я протяжно зевнула и открыла окно, чтобы проветрить помещение. Пока я сгребала проект дома с бассейном и трамбовала его в пакет, у меня снова зачирикал телефон.

– Алле, Лесенька, мы посмотрели твой буклетик... – елеиным голосом защебетала моя бывшая коллега, которая устроилась работать в строительную фирму. Этот «буклет» я делала «за шоколадку», которая до сих пор лежит на прилавке магазина. – Мы тебе на почту сбросили техзадание. Смотри, логотип должен быть не посередине, а сбоку. Это – раз. Текст надо сдвинуть на миллиметр правее... Это – два... И фотографии... Там на восьмой странице техзадания мы все написали.

– Послушай, Люда, – я призывала дух пофигизма, дабы объяснить все, не опускаясь до слов «халява», «наглость» и «задолбали». – Люда, мы как договаривались? Что ты мне говорила? Сделай быстренько простенький буклетик «на свой вкус» за шоколадку? Так было дело? «На мой вкус» – за шоколадку. «Техзадание» – за деньги.

– Леся, раз уж ты взялась, то доделывай! – возмутилась Людмила, пока я вспоминала ее «хищные» очки и рваную

стрижку. – Мы тебя не торопим. До понедельничка ты сделаешь?

– Нет, – категорично ответила я, глядя, как из принтера вылезает последний листок. – Я свою шоколадку отработала. Сколько предлагает начальство за буклет?

– Леся! Мы же с тобой за шоколадку договаривались! Короче, зря я на тебя понадеялась! Подвела ты меня! – возмущалась Люда.

Одним движением руки я сбросила не только вызов, но и «нахлебницу».

Я сгребла ноутбук, проект и закрыла офис. Суббота, однако. Можно было не приезжать на работу. Кто виноват, что у нас фирма «нетрадиционной» ориентации? Именно так можно охарактеризовать излишне «клиентоориентированный» бизнес. Когда за жалкие гроши любой клиент может измываться над сотрудником, как ему вздумается. А потом Карлсон горестно вздыхает, мол, никто работать не хочет! Не успеваем! Караул! Аврал!

Он позвонил тут же. Я не помню, чтобы терялась, но если родители уверяли, что нашли меня в капусте, то директор свято верил, что нашел меня на помойке. Я сидела, обдувая озябшие пальцы и доедая тухлую селедку, кутаясь в вонючее пальто, найденное в соседнем контейнере, пока на меня не упал луч света в виде «вы нам подходите!». Благодетель подобрал меня, протянул руку помощи, предложил достойную, как для опустившегося алкоголика, зарплату, чтобы я

отплатила «черной» неблагодарностью. На том же месте, где он меня «нашел», по его словам, сидит еще с десятков опустившихся бомжей, которых можно в любой момент осчастливить, предложив такую крутую вакансию. Назвать крупную строительную фирму – помойкой, у меня язык не поворачивался, но Карлсону виднее.

Я заглянула в магазин, выстояла очередь, дождавшись, когда мне взвесят два лимона, и положила купюру на прилавок.

– Шесть рублей поищите! – потребовала продавщица, глядя на мой увесистый пакет и ноутбук. Я отрицательно покачала головой. Нет у меня шести рублей, а акробатические номера в виде выворачивания всех карманов и ловлей упавшего пакета я проворачивать не собиралась.

– Куда к витрине прислоняешь? Мне уже одну разбили! Тоже грамотная, как ты, привалилась – и все! – завелась продавщица. – Давай, не задерживай очередь! Кто следующий? Вам хлеб? Минералку сами берите из холодильника... Чай в пакетиках или заварной? Что смотрите на меня? Заварной? Пальцем ткните, где вы видели этот чай....

Я молча забрала деньги, развернулась и вышла под недовольное бурчание продавщицы, которая, оказывается, уже пробила мои лимоны. Дома меня застал очередной звонок.

– Алле, Леся, – на том конце трубки кто-то что-то ел. – Мы тут все переиграли! Короче, подружки невесты теперь будут не в розовом, а в нежно-еловом! А еще мы отмечаем в столовке. Ну, знаешь столовку на Пушкина? Завтра в шесть.

Трубку положили, а я при мыслях о предстоящем торжестве громко чихнула. Правда-правда!

Сначала свадьба должна была пройти в ресторане «Парадиз», но после покупки платья, заказа лимузина и найма фотографа стало понятно, что гостей придется кормить манной небесной. И снова звонок. С того же номера.

– Алле, тут только что звонила тамада, сказала, что все должны быть по парам! Так надо! У тебя сейчас кто-нибудь есть? – поинтересовалась «невеста». – Если нет, то будешь с Геной!

Я чуть не подавилась и срочно достала пудреницу, дабы проверить наличие больших ушей. «Теперь я вместе с Геной, он – необыкновенный, он самый лучший в мире крокодил!»

Гена был человеком, который пришел в этот мир с великой миссией. Он нес огромную воспитательную функцию. Не будь Гены, на кого еще мамочки показывали пальцем, чтобы страшным голосом говорить: «будешь так себя вести, будешь как он»? Гена невольно заставлял престарелых адептов культа Великого Тонометра переключить все внимание на себя, даже если в радиусе спокойно стоял на посту бордель при боевой раскраске. Гена исправно выполнял религиозную функцию. При виде него представители всех вероисповеданий взывали к своим святыням. Так же образ Геннадия всегда добавлял шарма всем окружающим молодым людям, обеспечивая им конкурентное преимущество в глазах прекрасного, но очень разборчивого пола. Природа, как вы-

яснилось по ранним фотографиям, продемонстрированным мне однажды невестой, была к нему достаточно благосклонна, но Геннадий в душе был бунтарем, в связи с чем подарок природы не оценил. Теперь у него туннели размером с ободок моей чайной кружки, пирсинг по всему лицу, татуировки по всей поверхности щуплого тела и раздвоенный язык. Пока что Геннадий перебивался случайными заработками и связями, будучи убежденным «веганом». И двоюродным братом невесты. По совместительству. Он готов был нести свою «гастрономическую религию» в массы, активно осуждая тех, кто смеет смотреть на мясо без должного омерзения и у кого хватает денег на его покупку.

Я уныло перебрала в голове список всех знакомых, которых можно «арендовать» на короткий вечер. Никого. Перед глазами снова промелькнуло, с позволения сказать, лицо Гены. Именно оно сподвигло меня зарегистрироваться на сайте знакомств. Нет, а почему бы и нет? Надо же как-то устраивать свою личную жизнь.

Я грустно посмотрела на свои фотографии, особенно на те, которые были в профиль. Нет, в профиль природа фотографироваться мне не рекомендовала. Римские Императоры, так любившие увековечивать свои огромные клювы на местной валюте, присвистнули бы от зависти, увидев мой благородный профиль. Если у мужчин такие профили называют «орлиные», то я напоминала попугайчика. На моем «клюве» расположилась целая плантация веснушек, что,

как ни прискорбно, является непрременным атрибутом рыжих от природы волос. Не обращая внимания на общие рекомендации подсобрать денег и лечь на операционный стол, чтобы обзавестись изящным носиком, к таким мерам прибегать я не собиралась, в надежде, что где-то парит мой «гордый орел», который оценит мой клюв по достоинству.

Аккаунт создан, фотография сделана, обработана и выложена. Я уже собиралась окунуться в мир заманчивых перспектив приятного общения, как вдруг раздался звонок.

– Ой, Лесюнчик, забыла тебе сказать! Помнишь, я просила подарить постельное с розами? Так вот, не надо... Дари деньги! И еще... возьми с собой пару тысяч... ну, тысяч пять... на всякий случай. Конкурсы будут платные... Тамада сказала, что мы свадьбу окупим сто процентов! И, если можно, прихвати из дома закрутки. Огурчики, помидорчики... Аджику тоже можно! – заявила невеста, что-то жуя.

Я посмотрела на красивый сверток «заказанного» постельного белья с розами. Я потратила неделю, чтобы найти белье «как на фотографии», выложила за него кучу денег, потому что по уверениям продавщицы, его строчила не Баба Клава в соседнем подвале, а какой-то известный в узких кругах дизайнер своими золотыми ручками.

На спинке стула висело розовое платье, купленное неделю назад специально для этого случая вместе с туфлями, за которые пришлось отдать половину зарплаты. Я представила, как бегаю раненой антилопой по всем магазинам, ищу пла-

тье нежно-елового цвета и туфли в тон. А потом каракатицей тащусь на мероприятие, неся шесть трехлитровых банок с маринадом и кошелек со всеми деньгами, потому что туалет, вероятно, будет платным. Отличная идея для новобрачных. Стоит очередь, а тамада поигрывает ключом от клозета и мешком. «Приуныли наши гости, словно трупы на погосте! Сразу видно вам не сладко, отгадайте-ка загадку! Кто загадку отгадает, тот и ключик получает! Кто загадку не решит, тот деньгою пусть шуршит! Зимой – белый, летом – серый, в межсезонье – грязный, в техпаспорте – красный!». И понеслись ответы: «Жигуль», «Москвич» и так далее. А тамада игриво, подмигивая жениху и невесте: «Вы, увы, не угадали! Быстро тысячу достали!». Деловито пересчитывая выручку, она с характерным задором выдает: «Половина отравилась! Наша свадьба окупилась!» Еще бы! А что вы хотите от столовой, где, судя по отзывам, тараканы заживо съели санэпиднадзор? «Кто не хочет есть руками, пусть заплатит нам деньгами! Если кто пойдет курить, будет денежку платить!» – веселилась тамада, глядя на будущих миллионеров, которые завтра проснутся без друзей и родных.

– Извини, но я, наверное, не приду. Приболела, – ответила я, подкашливая для убедительности. – Плохо себя чувствую. Подарок потом подарю...

И что тут началось!

– Да за тебя деньги плачены! – орала невеста, но я ее уже не слушала. – Да у тебя совести вообще нет! А еще подруга,

называется!

Я взяла со стола зеркальце и посмотрела на себя.

– Я похожа на Рокфеллера? Нет, не похожа, – вслух заметила я, убирая новое платье и туфли в шкаф, а постельное закидывая в диван. Колхозный раут отменяется. «Дверь на ключик закрывали, чтобы гости не сбежали! Горько! Горько! Горько!» – несло локомотив воображения по рельсам импровизации. Это был тот самый случай, когда горько всем гостям.

Я попыталась удалить уже ненужную анкету, но мне пришлось несколько сообщений. На меня грустно смотрела аватарка современного Алладина, в его бытность обычным ворешкой, на фоне ковра-самолета отечественного производства. «Привет! Как дила? Прописька?». «Прописки» мне не хотелось. Алладин искал настоящую принцессу, с параметрами модельными, материально и жильем обеспеченную, готовую не просто обласкать, но еще и прописать его на своей территории. Поскольку я не отвечала данным параметрам, как архисложное приложение на тормозящем телефоне, пришлось удалить сообщение. Вторым был «мастер» фотошопа, изучавший физику по китайским боевикам с «шур-шур-шур» по крышам, «кия!» в воздухе и «нча-нча-нча» с мечом в полете. Он вырезал себя по контуру и повесил в воздухе на фоне шикарных апартаментов, не додумавшись подвести яркость и контрастность. Следующее послание в виде: «Привет!» написал мне товарищ из будущего! Наверное, в буду-

щем, до которого я вряд ли доживу, машины, которые сейчас стоят миллионы, будут продаваться за копейки на каждом углу. А любой автослесарь научит их парить над землей, предварительно закрасив номера! Следующий кандидат со своим «Приветом!» тоже любил фотошоп. Но, в отличие от предыдущих мастеров, он не отбрасывал тени, не отражался в зеркалах и имел красные глаза, чем меня и настораживал. Я уже хотела открыть платные курсы «фотошопа», собрав всех «мастеров», благо, их тут было много.

Ценители «внутреннего мира» присылали мне разнокалиберный инструментарий, предназначенный для его глубокого познания, возвышенные товарищи – стихи, нагло скопированные с просторов интернета, а «ищу немеркантильную девушку» интересовались наличием у меня транспортного средства и недвижимости. Один товарищ, который, судя по анкете, искал «добрую и отзывчивую девушку» действительно первым сообщением просил прислать ему содержимое моего бюстгальтера. Так же в анкете было указано, что он готов предложить руку и сердце. Я написала, что не против обменяться внутренними органами. С него в посылке «рука и сердце», а с меня «правая или левая». На выбор. Но только после получения его посылки. Адрес и индекс я укажу. Видимо, я не та, с кем он мечтает «смотреть на звезды», не та, с кем он готов «воспитывать детей». Жа-а-аль.

Престарелый «холодец» искал свою «юную горчичку», «суповой набор» – верную собачку, «господин» – рабыню,

«раб» – госпожу, а студент интересовался, шарю ли я в мата-нализе. Через час мне написал вполне симпатичный парень с подозрительно знакомым лицом. Представляете, как я обрадовалась, узнав, что его брат – близнец сейчас снимается в новом блокбастере и проживает по ту сторону океана! Эх, как судьба – то над братьями пошутила! Ей-богу. Мама! Да они тройняшки! Вы, ребята, пока поболтайте друг с другом. Наверняка вам есть, что друг другу сказать.

Завязалась беседа с одним «гендерным философом», который рассуждал про «священный женский долг» – готовить, стирать, убирать и рожать. И работать наравне с мужиком! А мужик – устал. Он – добытчик. И за этого надо целовать его в ноги, молиться на него как на икону, облизывать со всех сторон и всячески ублажать! В ход пошли аргументы в виде «доисторических времен», которые «философ», судя по возрасту, явно застал. И когда по тепленькой земле бегали Мамонты и Папонты, он лично добывал их, затаскивая в одиночку тушку в свою пещеру. Но сейчас возраст уже не тот, поэтому мне следует надеяться на дохлую мышь, которую должна целовать вместе с потными ногами «кормильца». И если меня данный расклад не устраивает, то я «меркантильная», «испорченная» и «со мной говорить не о чем».

Толстенький дядечка интересовался, сколько я стою. Я на всякий случай посмотрела на себя, но ценника так и не увидела, поэтому решила не отвечать.

Если отбросить сантименты и сантиметры, то я хоть

немного расслабилась.

Последнее время я чувствую себя даже не белкой в колесе, а носком в центрифуге. Белка хотя бы сама раскручивает колесо, а меня центробежная сила размазывает по стенкам жизни. А поскольку носки – существа парные, то где-то в той же центрифуге мотает точно такой же носочек. Есть вероятность, что его уже выбросили, так и не найдя ему пару. Или он таинственным образом исчез в процессе стирки. Так что пока в моей жизни мне попадаются одни трусы. Понимайте, как хотите...

Все последние годы вертятся в порочном круге «дом-работа-дом», отличаясь периодами, когда я «собираю на...», «собираюсь на...» и «собираюсь послать все на...». «Да ты жить не умеешь!» – заявляли «друзья» и тут же предлагали «научить». За мой счет, разумеется.

Я зевнула и села за проект дома с бассейном на крыше. Время измерялось кружками чая, нервы – кликами мышкой, а степень отчаяния – тихим хныканьем в тишине съемной квартиры. Под конец я выползла на балкон, завернувшись в одеяло, подышать свежим воздухом перед сном. Было у меня такое чувство, что я живу в худшем из миров, но пока что подтверждения своей теории я не находила. Судя по некоторым высказываниям, долетающим из открытого окна неугомонных соседей, ведущий передачи про необъяснимое сегодня вещает на нашей планете, доказывая, что инопланетяне существуют. А завтра у него прямой эфир на Альфе Центав-

ре, где он с пеной у рта доказывает представителям иной цивилизации, что люди существуют. И самое интересное, что никто и нигде ему не верит.

Через десять минут я потушила свет и улеглась спать. Обычно перед сном я думаю, что нужно завтра купить. Перечень покупок приходит всегда в тот момент, когда у меня под рукой нет ни бумаги, ни карандаша, поэтому утром я благополучно его забываю.

Внезапно я сильно ударилась головой, причем так больно, что я сначала не поняла, обо что. Меня отбросило куда-то неведомой силой. Сердце на секунду замерло, вызывая у меня паническое чувство сонного падения и слабость всех конечностей одновременно.

Я открыла глаза и увидела огонь. Целая стена огня и крики людей. Моя рука была обожжена, часть волос обгорела, губы пересохли, а мутная пелена перед глазами плясала языками пламени.

– Убей ее! Убей ее! – орала толпа в моем сне. Я выставила вперед руку, глядя на внушительный ожог. Пальцы двоились, троились, а к горлу подступала тошнота. Я вздохнула полной грудью, ощупывая себя. На моей руке было с десятков браслетов, на шее с десятков каких-то висюлек, тесемочки, веревочки и цепочки которых переплелись в один спутанный жгут. Я сорвала жгут с шеи, закашлялась, вслушиваясь в крики и глядя на огонь. Из огня ко мне навстречу шагнул высокий силуэт.

«Убей ее! Убей ее!» – раздавалось радостное со всех сторон. Чтобы так орали, надо не просто отправить на тот свет десяток таких «крикунов», но еще и быть пойманной с поличным. Я не видела ничего, кроме человека, который вышлся надо мной. В руке у него был огненный шар размером с волейбольный мяч. И если он сейчас даст мне пас, то я проснусь в холодном поту.

– И что же мне с тобой сделать? – поинтересовался силуэт моего будущего убийцы. – У тебя есть последнее желание?

Я попыталась отползти в сторону, понимая, что моему воспаленному воображению пора давать кинопремию за лучший сценарий. За моей спиной была стена огня.

– Чай в пакетиках, два лимона, килограмм сахара, кило гречки, половинку хлеба, рыбные консервы в масле! – деловито перечисляла я, по инерции повторяя список завтрашних покупок. – И мусорные пакеты... Обязательно! А то в ведро стелить нечего... Зубную пасту...

Огонь в руке нападающего стал медленно угасать. Разочарованная толпа скандировала: «Убей ее!», а я лихорадочно щипала себя, чтобы проснуться.

По законам жанра он должен спросить: «Карточка есть? Пакет пробивать?», но вместо этого раздался опьяненный азартом голос:

– Значит так, да? У меня есть предложение получше!

Через секунду я увидела лицо того, кто только что хотел поиграть со мной в волейбол огненным мячом. Я даже сглот-

нула от удивления. Длинные золотые волосы, небрежно разбросанные по его плечам, и золотые глаза, в которых плясало пламя. Он склонился так, словно собирается меня поцеловать.

Воцарилась тишина.

Ну вот это я понимаю – хороший сон! Так бы сразу! Приятно, что для того, чтобы поцеловаться во сне, знакомиться вовсе не обязательно. Можно сделать это просто так.

Я почувствовала поцелуй на губах, а толпа неожиданно, но очень громко «ахнула». По невидимой за стеной пламени публике пополз шепот восторга.

Нет, такой сон мне очень нравится! Теперь я сама готова была выдать премию своему воображению за столь неожиданный сценарный ход.

Я целовалась так, как в последний раз. Отличный сон. Чудесный. Волшебный. И запах приятный, и губы. Черт! Мне уже и просыпаться не хочется! Почаще бы такие сны снились!

– Эй, лизальщица, – прошептал «целовальщик», отрываясь, – закругляйся! А то раскатала губу...

Он смотрел на меня такими глазами, словно только что лизнул ободок общественного туалета, а потом украдкой сплюнул. Раздался свист и аплодисменты.

Я смотрела на этого подонка с нескрываемым омерзением и ненавистью, пытаюсь мысленно представить в руке увесистый фотошоп, чтобы внести долгозаживающие коррективы

в очаровательный портрет.

В свете последних событий толпа убивать меня передумала, обсуждая столь внезапный порыв. Зато я в долгу не осталась. И пока «герой» отряхивался, я нашла в себе силы, встала, глядя на него, как снайпер на жертву, сквозь прицел смертельной женской обиды. Сжав кулаки, я дернулась вперед, резко толкнув его плечом в сторону огненной стены. От неожиданности он сделал шаг за огненную черту. Что тут началось! Крики оглушили меня, вызывая смятение. Я даже разобрать не могла, что они кричали, оглядываясь по сторонам. Через секунду я почувствовала резкую слабость и медленно села на землю. Браслет на руке порвался, а по каменным плитам задорно поскакали разноцветные бусинки.

В этот момент я проснулась дома, в холодном поту, пытаюсь прийти в себя. С работой надо закругляться. На руках не было никаких украшений и ожогов, а в комнате было умиротворенно, тихо и темно. Я повернулась на другой бок, вызывая силой воображения сцены из каких-то фильмов, обняла подушку, сплюнула волосы и...

Глава вторая. Пускать по кругу

*И в банке с красивой эмблемой,
Где акция долго цвела.
Хорошая девочка Леся
Кредит беспроцентный взяла.*

Я проснулась на чем-то дьявольски твердом и колючем, со стоном переворачиваясь на бок. Как будто вчера я съела пакет печенья в один присест прямо в кровати, а потом всю ночь занималась йогой на хлебных крошках. Мне срочно требовалась стая голодных воробьев, дабы облегчить мои мучения... Я со стоном перевернулась на другой бок. В углу мелькала чья-то тень.

– Эй! – возмутилась я от неожиданности, пытаюсь при-
встать. Место было незнакомое. С каких это пор мне снятся
столь реалистичные сны?

Тень замерла в углу. Я вздрогнула. Тень метнулась к д-
вери, унося с собой... стул...

У меня во сне украли стул. Я вздохнула, закрыла гла-
за, пытаюсь представить себе что-нибудь приятное. Я почув-
ствовала ветерок возле моего лица и снова открыла глаза.
Это как надо устать, чтобы попытаться спать во сне?

Чья-то рука проверила, сплю ли я или нет, чтобы попы-

таться выдернуть у меня из рук увесистый мешок. Я даже не заметила его, когда проснулась. Мешок порвался, тень метнулась в сторону двери, а на пол со звоном выкатились золотые монеты, которые тень начала лихорадочно собирать. Отличное начало. Даже во сне я не хотела расставаться с кровно заработанными, поэтому вскочила на ноги, едва завидев, как тень метнулась к двери и хлопнула ею со всей силы. Дверь была открыта настежь. На двери было несколько странных символов, я даже растерялась не понимая, что они означают. Ни замка, ни щеколды, ни замочной скважины не было. Отлично, просто чудесно! Я дотронулась до одного символа, дверь закрылась. Я подергала ручку и поняла, что открыть ее не могу.

Комната представляла кошмар проектировщика. Волосы встали дыбом, но не полностью, а все потому, что уперлись в потолок. Еще немного, и мне бы пришлось склониться в вынужденном поклоне перед этим убожеством.

Судя по висящей на веревке сухой и ветхой простыне, я – еще та хозяйшюка. Под кроватью, которая представляла собой деревянный щит с соломенным матрасом, стоящий на ножках из плесневелых книг, спрятался ушат, на донце которого сиротливо лежал ковшик. Треснутый горшок с отбитой ручкой намекал на то, что я должна быть как минимум снайпером, чтобы попадать в него. Ожог на руке горел так, что я старалась лишний раз не шевелить конечностью. Очертания возле стены напоминали стол с разохшимся стулом,

вокруг и на которых лежали потрепанные книги. Было такое чувство, что школьники десятилетиями на них спускались с горки, били друг – друга по голове, проливали на них все, что только можно пролить, а потом бросили в пыльный угол до худших экзаменационных времен.

Я разлепила сначала глаза, а потом страницы первой попавшейся книги. Написана она была на языке мне неведомом, а следовательно – непонятном. Иллюстрации к ней делал садист с большим производственным стажем и богатой фантазией. Вот тень горящего человека, вот силуэт человека, которого ударила молния... Бе! Есть книги, перед прочтением которых нужно мыть руки, но после этих хотелось руки еще простерилизовать. Части страниц не хватало, некоторые страницы были сожжены и покрыты черной плесенью. Я потрясла головой, глядя в буквы, и через минуту клинопись, от которой у меня начинался душевный скрежет, стала превращаться на глазах в знакомые слова. Ничего себе! Я протерла глаза, морщась от наваждения. В комнате было маленькое заросшее паутиной окно, почти такое же, как и в проектированном мною теремке, за которым был слабый источник света. На столе лежало несколько писем. Первое письмо было написано на качественной бумаге красивыми буквами.

«Элесса, еще один отказ от поединка – и мы вынуждены принять меры. Будьте так любезны...»

Дальше письмо было сожжено. «Внести разнообразие

в культурный досуг местного населения?» – с интересом предположила я, не понимая, о чем идет речь. А под ним лежала записка, написанная почерком, смахивающим на мой. Я даже удивилась.

«Последнее письмо. Я не знаю, кто его читает, но если его читают, значит, меня больше нет, а Феникс получил корону. Я не знаю, каким был бой, но судя по моим „талантам“, он был очень коротким. Но так даже лучше, потому что я его... (зачеркнуто). Я, наверное, живу в худшем из миров, поэтому мечтаю разорвать этот порочный круг. Так что если вы читаете это письмо, то моя душа уже где-то далеко. Наверное, там светло. Может быть, даже есть солнце, о котором все говорят... Я – трусиха. И это знают все. Я не была рождена для поединков. И я рада, что все закончилось именно так... Нет дыма, без огня... Элесса»

Я снова посмотрела на кровать, сделанной по принципу «знала бы, где упала, соломки подстелила». В дверь раздался стук. Я даже отпрянула, зажмурившись и пытаюсь проснуться у себя дома. Стук был настойчивым.

– Зелье от ожогов не надо, Крыса? – раздался противный до внутреннего передергивания мужской голос. – Или ты решила так походить? Учти, заражение, нагноение, омертвление, а в лучшем случае – рубцы!

Не помню, чтобы я вызывала скорую помощь на дом. Я наугад потыкала по символам на двери, и она открылась. На по-

роге стоял маленький круглый мужик с характерными залысинами. На нем была грязная роба в каких-то радужных потеках, а в руках у него было некое подобие потертого саквояжа.

– Зелье покупать будешь? – поинтересовался «дохтур», глядя на мои руки. – Да... Неплохо он тебя отделал! Еще бы! Стояла, дура, как вкопанная! Мне показалось, что ты у нас второй Трусливый Столб!

– И сколько стоит зелье? – поинтересовалась я, глядя на «эскулапа».

– Эм... Если бы купила заранее, то пять соларов. А так, поскольку оно тебе нужно... восемь... Нет, даже десять... Одиннадцать соларов. Исключительно потому, что шрамы не украшают женщину! – заметил заботливый «доктор», пока я мысленно ставила ему диагноз. – Будешь долго думать – цена вырастет до пятнадцати!

Так, скорая медицинская помощь подоспела, а вот скорая финансовая задерживается в пути. «Ребята! Реанимируйте до последнего! Ему еще ипотеку и два кредита выплачивать!» – вопит «санитар», проверяя пульс полутрупа. А труп лежит и улыбается счастливой улыбкой...

– Ты мне еще денег должна! – заметил «медик», шаря бегущими глазками по моим «роскошным» апартаментам. – Платить будешь? Или мне прислать ребят, чтобы разобрались?

– Расписка где? Где документ, подтверждающий мой

долг? – мрачно заметила я, протягивая обожжённую руку.

– Ах так? Ну хорошо! Выздоровливай, как умеешь! Больше я с тобой не работаю! Жди гостей! – заявил обиженный «дохтур», разворачиваясь и закрывая дверь. – Да чтоб у тебя рука отсохла! Да чтоб тебя так изувечили в следующем бою, что живого места не осталось! А Феникс на тебя зол, ой, как зол! Я был у него... Он тебя не просто проклинает, он желает задушить тебя голыми руками! Еще бы! Единственное поражение за всю историю... В полушаге от короны! Дисквалификация на два месяца! Да он тебя испепелит! А желающих на корону знаешь, сколько! И твоя...

«Эскулап» пошатал дверь, проверяя ее на прочность.

– ... дверь тебя не спасет! Да чтоб у тебя... – продолжал этот «доброжелатель», обиженно сопя.

Я уже собиралась внести свою короткую, но емкую лепту в борьбу с сонным хамством, но потом передумала. «Добрый Доктор Шоб Ты Сдох, возомнил, что он есть Бог. Он теперь двумя руками за мои „вперед ногами“!» Тьфу!

Дверь захлопнулась. Простыня на веревке вяло покачнулась.

«Вам покрепче? Или обычные?». «Покрепче! Самые крепкие, какие только есть!» – вздыхаю я, стоя в очереди за нервами. Они теперь мне не только наяву, они мне и во сне нужны! А ожог реально болит.

На мне была юбка из какой-то шторы, которую я успела умыкнуть с какого-то пепелища под возмущенные крики по-

горельцев, нижнее белье сомнительной чистоты, укороченный свитер, который был снят явно с трупа очень больших размеров и небрежно укорочен по талию, да так, что из растянутого ворота были видны мои плечи. Интересно, какого цвета он был, когда был еще свитером, а не половой тряпкой? Белым? Мой любимый цвет! Кроме зацепок на свитере других зацепок обнаружено не было. Ах да, я была босиком. Я посмотрела на свои почерневшие от грязи ноги, пошевелила пальцами, понимая, что песня «ай-я-яй, девчонка, где взяла такие ножки» – это про меня! Мужчины, завидев мои ноги, оборачиваются мне вслед, надеясь, что я не положила на них глаз. И целовать песок, по которому я ходила, вряд ли кто-то бы отважился!

С прической дело обстояло куда более поэтично. Это был чей-то парикмахерский дебют, сопровождающийся в лучшем случае: «Ой, простите, сейчас исправим!», а в худшем: «Волосы – не уши! Отрастут!». Причем, дебют был в полном смысле этого слова. Этому парикмахеру не доверяли даже вырезать снежинки в детском саду. Складывалось впечатление, что встреча со мной и первое знакомство с ножницами, как ни прискорбно, совпали.

Изо рта у меня пахло ушедшей на Луну кошечкой. Судя по запаху, ушла она туда давно, оставив бранные останки перевариваться в моем урчащем от голода желудке.

Под моей ногой лежала сверкающая монетка с изображением солнца. Если моя «победа» была столь триумфальной,

то какого черта у меня в мешке от силы двадцать одна монета? Я только что высыпала на кровать и пересчитала полную сумму. Странный сон.

И снова стук в дверь! У меня сегодня во сне день открытых дверей! Осталось поправить коврик «добро пожаловать» и достать топор.

– Эй, открывай! – раздался грубый голос, сопровождающийся ритмичным стуком. Стучал явно не один человек, а несколько. – Почему свет потушила? Жить надоело?

Я пошарила глазами в поисках выключателя, посмотрела на потолок в надежде, что там болтается старая люстра, но на потолке вместо люстры... Нет, я всегда мечтала о пушистом молчаливом, спокойном домашнем животном, которое не будет вечером бросаться под мои усталые и заплетаются ноги с криком на своем, животном языке: «Жра-а-а-ать!», которое не будет орать дурным голосом, развлекая впечатлительных соседей, пока меня нет дома, не будет драть занавески и дегустировать подошву тапка, глядя на меня глазами, полными раскаяния. Кажется, во сне у меня сбылась мечта. Отличный вариант для тех, кому лень развлекать животинку, кому не хочется слушать истошные крики. Паук. Размером с мой кулак, при этом пушистый, как мужская коленка. Сверившись со своими ассоциациями, я решила назвать его Геннадием.

– Открывай! – орали по ту сторону двери, выстукивая по деревяшке все, что обо мне думают. Радист Морзе по-

краснел, вслушиваясь в стук. Геннадий, заслышав стук, поспешил забиться в щель в потолке и выглядывать оттуда, чем дело кончится.

Я опасливо протянула руку к двери и открыла. На пороге по-хозяйски расположилась целая компания из пяти готичных «электриков». Ни проводов, ни стремянки, ни характерного чемодана с инструментарием не было. Даже запаха перегара я не уловила! Зато был взгляд, словно я у них сегодня первая, а вчера была последней, о ком они думали, отмечая профессиональный праздник. Если их целью является проверить напряжение, то пусть не проверяют. Я и так напряглась.

– Ты почему не зажгла свет? – процедили товарищи, глядя на мой домашний уют. Один из них подошел к стене, откинул простыню, глядя на отпечаток обугленной руки. Я думала уже бежать за моющим, чтобы оттереть его. Желательно вместе со стеной. Смотрели «гости» на меня так, словно лично и очень близко знают мою маму, причем могут небезосновательно утверждать о периодических изменениях в ее личной жизни по их вине. Я во сне где-то накосячила, но еще не уверена где. Это чувство мне очень знакомо.

«Электрики» снова бросили на меня тяжелый взгляд, который должен был придавить меня к полу и, желательно, размазать по нему тонким слоем. В комнате ничего не изменилось. Ни свет не зажегся, грязи тоже не стало меньше. Разве что корявый рисунок солнца, нарисованный на стене, заго-

релся изнутри.

– И чтобы это было в последний раз! – возмутился последний уходящий. – А то сначала одна не зажжет свет, потом двое... Забывают, видите ли!

Нет, сон какой-то чересчур логичный. И... хм... осязаемый... Есть у меня подозрение, что с этим сном явно что-то не так.

– Он тебя просто по стене размажет за то, что ты сделала... – решил внести оптимистичные коррективы в мое пессимистичное настроение один из визитеров. – Надо же! Вытолкнула за пределы круга!

– Сейчас проверим список должников! – перебил его один из управляющей компании. —Элесса... На тебе долг висит, Крыса!

Ну хоть не тройное убийство с отягчающими обстоятельствами! И что значит «Крыса»?

– Распечатку мне всех неоплаченных счетов! – потребовала я, уже имея опыт общения с тремя управляющими компаниями. – И официальное извещение о сумме долга! С печатью и подписью!

– Долг по воде... Десять соларов... Так, долг за ремонт помещения... Пятьдесят соларов. Долг за уборку мусора... семь соларов... Штраф за свет... эм... три солара.... – начал товарищ со списком, поглядывая на мешок, зажатый у меня в руке и пытаюсь опытным взглядом уравнивать свои личные потребности и мои финансовые возможности.

– Где подписанный мною акт о пользовании услугами? – поинтересовалась я, глядя на мокрые от сырости стены. Если то, что по ним стекает – это и есть водоснабжение, то пошли они все в... душ!

Я перевела взгляд на монетку, зажатую в руке, а потом на доблестных коммунальщиков. Не светит и не греет им получить всю имеющуюся во сне наличность.

– Я думаю, то часть долга ты погасишь прямо сейчас! – усмехнулся один из «коммунальщиков», подмигивая другому. Тот посмотрел на меня и скривился так, словно я постигла искусство вырывания зубов плоскогубцами и спешу опробовать его в деле. Они снова переглянулись. Мне не нравится этот сон!

– По очереди или все сразу? – поинтересовался самоуправленец, приближаясь ко мне.

– Давай по очереди! Чего толпиться? – махнул рукой второй «электрик», намекая явно на что-то нехорошее.

– Потрепанная... Согласен! – усмехнулся один из электриков.

– Видать, давно по рукам ходит! – согласился самоуправленец, поглядывая в мою сторону.

Это что? Про меня? Да как у них язык...

Он сделал шаг вперед, оттолкнул меня и... взял со стола большую книгу. Другой вырвал у меня из рук мешок с деньгами. И тут я разозлилась не на шутку! В комнате стало трудно дышать. Все заволочло едким дымом, от которого выте-

кали глаза и першило в горле. Я сама закашлялась. Слезящимися глазами я посмотрела по сторонам. Пахло так, словно компания скурила три пачки сигарет на лестничной клетке в один присест, не забыв потушить окурки о стены. И теперь каждый, кто выходит из квартиры, чувствует себя, как официант на сходке гангстеров в Гарлеме.

Раздались туберкулезные угрозы, несколько проклятий и спешные шаги. Дверь захлопнулась, пока я пыталась понять, что горит! Пришлось залезть на стол и открыть окно. Фу! За окном была темная ночь. По небу плыли черные облака. Больше ничего разглядеть не удалось. Дым немного выветрился, а источник самовозгорания обнаружить не удалось. Я посмотрела на свои руки, из которых вырываются стужки вонючего дыма. Крыса пошла на повышение и стала скунсом.

Я закрыла дверь.

Ну все, с долгами, вроде бы, рассчитались! Опять стук. Я осмотрелась вокруг. Если так посудить, то выносить тут нечего, кроме моего мозга. Но его вынесли еще днем и, судя по всему, вперед ногами, поэтому я молча посмотрела на дверь, нетерпеливо ожидая, когда этот идиотский сон закончится.

– Открывай, Крыса! Ты когда долг вернешь? – раздался очень вежливый и внушающий безграничное доверие хриплый голос. – Мы за тобой. Ты когда обещала нам вернуть долг? Сегодня – последний срок! И не надо оправдываться,

что на тебя никто не ставил, поэтому ты ничего не заработала!

То есть как это не заработала? А деньги, которые...

– Крыса, мы не шутим! Иначе мы запечатаем твою дверь снаружи! – голос мотивировал меня быстрее проснуться. Я прямо чувствовала, как по ту сторону двери стоят парочка мордovorотов. – Ты должна деньги за обучение!

То есть я еще чему-то училась? Отлично! И на кого, простите за нескромный вопрос, я училась? Я посмотрела на свои апартаменты. На дизайнера интерьеров?

– Наш Мастер Эгрегор требует, чтобы ты вернула ему долг! Немедленно! – в дверь отчаянно колотили инвесторы моего высшего образования. Такое чувство, что я закрылась в единственном рабочем туалете в радиусе триста километров. А это – рабочие, чей санузел я так ловко экспроприировала.

Никогда еще в моей жизни столько мужчин не интересовалось моей скромной персоной. Так что возьму рецепт на заметку. Я всегда чувствовала себя не очень популярной девушкой, а тут прямо толпы! Я теперь даже знаю универсальный рецепт без гадалок и магии, как заставить понравившегося парня постоянно думать о себе... Возьму на заметку!

В дверь отчаянно молотили ногами, а я, как ни странно, открывать не собиралась. Спасибо, одним уже открыла!

Чтобы отвлечься, я решила подумать об этом странном и неприятном сне с юмором. Я скоро проснусь, посмотрю

на свою кристально чистую кредитную карму, успокоюсь, выпью кружечку кофе и пойду на работу. Я никогда не связывалась с финансовыми организациями, начитавшись про них таких кошмаров, что Альфред Хичкок сгрыз все ногти и выпил все успокоительное.

*«Спросите об этом у банка,
что в доме напротив живет.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встает».*

Ничего себе! Вот это экспромт! Сама не ожидала! А ну-ка! Я схватила пропахшую вонючим дымом простыню, завернулась в нее, на манер римской тоги, поискала глазами лавровый венок, но, видимо, еще не заслужила, поэтому продолжила.

*Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
«Верни или будешь зарыта!»
в отчаяньи он написал.*

Класс! Никогда не думала, что у меня так получится! Оказывается, во мне живет поэт!

*Под дверью нагадил. Записки
совал он в железную дверь,
Стучал он по месту прописки,*

Узнать, где должника теперь!

Я прокашлялась, чувствуя, что мне необоснованно весело. Еще бы! Правильно говорят, что плохой сон всегда можно сделать хорошим, если постараться! Стук прекратился.

*Звонил на работу, без толку.
Соседей в час ночи поднял!
И суммой злосчастливого долга
В подъезде этаж истисал!*

Я рассмеялась, глотая горький дым. А потом залезла на шаткий стул и шепотом закончила.

*В оконном стекле отражаясь,
По миру идет неспеша,
На банк и на мир обижаясь,
Заёмщицы злостной душа!*

Хоть из дома во сне не выходи. Хорошо, что это – просто сон. И очень скоро я проснусь. Ребята ошибаются. У меня, оказывается, не высшее, ... а возвышенное образование! В следующей анкете так и напишу. Девушка с возвышенным образованием ищет работу по специальности! Интересно, что предложат?

В дверь ударили так, что я чуть не слетела со стула, чувствуя, как шатаются его разошедшиеся ножки. Знакомство

с сонной бюджетно – финансовой сферой продолжается!

– Крыса, ты как думаешь, если выиграла один поединок, можно снова спрятаться у себя в норе? А ну быстро взяла шар и одобрила завтрашний вызов! – выкрикнул неприветливый женский голос. С таким голосом хорошо работать в какой-нибудь госструктуре. «Алле, „тепловодоэнергосбыт“ слушает вас...»

Где-то есть в моем сне агентство «Добрые услуги», где работают очень злые люди. Еще немного и наступит завтра, а я буду сидеть и пить кофе, читая новости и всякую ерунду, пока на плите будет подгорать моя яичница!

– Крыса, ты так не шути! Ты еще со мной за жилплощадь не рассчиталась! – заметил женский голос. – И так бесплатно три месяца живешь, рассказываешь мне сказки про то, что скоро заплатишь! Кстати...

Голос приобрел некий оттенок многообещающего злорадства.

– ... Феникс вне себя. Так что расплачивайся побыстрее, а то есть у меня подозрение, что тебя завтра-послезавтра прибьют... Если не в круге, то здесь! Так что гони деньги!

Я решила отморозиться.

– Я не шучу! Иначе будет худо! – заметила женщина за дверью, а потом я услышала шаги. Было у меня такое подозрение, что кто-то притаился. Я притаилась тоже, делая вид, что сдохла на радостях от внезапной победы над...

Я с усмешкой представила, как кто-то уже приготовил

шампанское, заказал банкет на сто персон в честь победы, разослал приглашения, а теперь очень огорчается. Преимущественно матом.

Я забралась на кровать с ногами, накрылась простыней и попыталась уснуть, чтобы проснуться дома. И тут под тем, что можно условно считать подушкой, что-то загорелось. Я дернулась, отпрянула, отбрасывая солому, завернутую в какую-то тряпку. На грязной простыне лежал темный шар, сверкающий странным светом. Я присмотрелась, и мне показалось, что в шаре застыла модель вселенной. Осторожно дотронувшись до него, я увидела, как по нему побежали голубоватые искры. Из всего, что я видела сегодня, это, пожалуй, самое красивое.

«Вызов!» – высветилось слово внутри шара. «Ниал вызывает Алессу!». И появилось две точки. Красная и зеленая. Прямо как на телефоне. Интересно, это мне во сне кто-то звонит? Я не беру трубку, когда мне звонят с незнакомых номеров, поэтому я положила палец на красную точку. Шар засветился и ... «Вызов принят!». Чего? «Завтра в 6:00 в Круге».

Так, я что-то не поняла... Саперы в фильмах режут красный провод, вызов на телефоне сбрасывается красной кнопкой, красный свет светофора говорит «стоп!»... Так какого... хм... красная кнопка означает «принять вызов»?

Ладно, мне —то чего парится. Я скоро проснусь, и пусть хоть под балкон приходят орать «Леся! Выходи! И мячик

возьми!»), мне будет все равно. Я швырнула шар в угол, слушая, как он катится, и улеглась на кровать. Побыстрее бы проснуться!

И, о, чудо! Я открыла глаза в своей кровати, спрятавшись под одеяло с головой и зарывшись лицом в горячую подушку. Сонно зевнув, посмотрела на часы. Пять утра! На автомате сделала кофе, усмехаясь своим странным сном, глядя, как на улице медленно гаснут фонари, а одинокие «трудоголики» спешат на первые автобусы. Пока я задумчиво смотрела в окно, грея руки о кружку и шаря ногой под стулом в поисках второго тапка, сон постепенно начинал выветриваться. Ладно, посижу еще немного над проектом...

В семь часов раздался звонок. На экране высветились мои вчерашние «клиенты».

– Вы доделали проект? – поинтересовался «инженер». – У нас есть коррективы. Записывайте! Во – первых, дом должен быть не зеленым, а персиковым. Это раз! Второе. Балкон должен быть с другой стороны! Это два. И нас не устраивает планировка первого этажа! Увеличьте кухню на два метра за счет спальни, спальню увеличьте за счет коридора... Тоже метра на два... Коридор увеличьте за счет ванной... А там посмотрим... Мы сегодня в девять часов будем!

– Хорошо, – закатила глаза я, черкая карандашом на черновике. Ванная один квадратный метр? Отлично! Просто чудесно!

Глава третья. Самая обонятельная и увлекательная!

*Пусть тебе приснится... Пальма-де-Майорка...
Тьфу ты, стирка и уборка (!)...*

Я физически чувствовала, как скрипят мои извилины, глядя на «перепланировку». Мой мозг с утра уже получил тяжкие моральные повреждения. Кофе остыл окончательно, в приоткрытое окно задувал осенний ветер, а яркое осенней солнышко спряталось за тучки. В раскрытом блокноте поперек страницы были сделаны расчеты, а мне постоянно звонили «отходчивые», но все никак не «уходчивые» из моей жизни «дизайнерша» и «инженер».

– А у меня в игре помещалось! – как-то обиженно заметила «дизайнерша», выхватывая трубку у мужа и «муза» по совместительству.

Я потрясла головой, отгоняя антисанитарные ужасы про «универсальную дырку в полу», видимую мною однажды на заре туманной юности в детском лагере «Солнечный», где вожатые пили наперегонки с подопечными, чистых матрасов не было уже лет тридцать, а скрипучая кровать помнит всех поименно.

– Если расширить ванную нельзя, что вы предлагаете? – уныло осведомилась я, прижимая трубку плечом к уху.

– Послушайте, мы платим вам деньги! – заметила «дизайнерша», а я почувствовала себя бюджетной и валютной одновременно. – Это вы должны нам предлагать, а не мы вам! Мы вам объясняли! Спальню, кухню, коридор не трогать!

Я сосредоточенно смотрела на проект и понимала, что выбор страшен и жесток.

– Мама! Я покакал! – вопит ребенок из душевой.

– Смой водичкой! И ножкой протолкни! – орут родители. – И душиком побрызгай. побыстрее! Папа тоже в туалет хочет!

Пауза затянулась. С каждой секундой промедления «инженер» и «дизайнерша» все больше сомневались в моей «компетенции». На линии был еще один звонок. Я извинилась и приняла его.

– Алле! – взволнованно произнес мужской голос. – Короче, мы глянули ваши фотографии и отложили кирпичи!

Я украдкой достала карманное зеркало, чтобы понять, что именно повергло в такой ужас мужскую психику. Зеркало твердило, что не все так плохо, а преисполненный тоски голос на том конце трубки намекал, что моделью мне не быть. Разве что... в музее медицины. А что? Сначала подиум и анорексичка, потом костлявое пособие и методичка. Сначала на тебе разглядывают платица и кофточка, а потом связки и косточки. Карьерный рост, однако.

– Вам какого цвета? Есть темно-коричневые, светло-коричневые, желтые, бурые, есть с зеленцой, есть серые... –

перечислял голос в трубке продукты коллективного труда. – Вам все привозить?

Я сглотнула, пытаясь понять, кто так низко пал жертвой моей неземной красоты.

– Вам на когда кирпичи нужны? Если не срочно, то придется подождать до вторника. Мы тогда еще посмотрим ваши фотографии и другие отложим... Если есть желание, мы вам всю стену облепим нашими образцами! – вздохнул неведомый творец. На заднем плане играла задорная музыка, которую тут же убавили до невнятного бормотания.

– А кто это? – робко поинтересовалась я, глядя на свой проект.

– ООО «Строймат», – вздохнул мужик. – Ваш директор позавчера сбросил нам фотографии фасадов. Я до него не могу дозвониться... На сайте нашел ваш номер. Лена, кажется, да? Так что уточните у директора, когда привозить стенд. Договаривались на понедельник.

Да, у нашей фирмы есть сайт. Когда я впервые на него взглянула, мои глаза потекли по щекам. Теперь я с уверенностью могу сказать, что многое повидала в своей жизни. Администратор сайта – личность бесконечно творческая, поэтому творил, что хотел. Он даже изобрел свой язык, имеющий некоторое сходство с литературным, но лишь отдаленное. Помимо огромной галереи проектов, на главной странице были указаны наши телефоны. Это последнее, что сделал админ до момента самопроизвольного исчезновения. Все

ключи, логины, пароли он унес с собой. У Светы в номере ошиблись цифрой и вместо нуля вlepили восьмерку, Дима резко поменял пол и стал Диной. Мне повезло больше. Мой номер был указан правильно, зато я почему-то переименовалась в Лену.

– Так что вы можете нам предложить? – «дизайнерша» снова набрала мой номер, пока я грела чайник и мыла тарелку, пользуясь затишьем.

– Научиться мыть руки и купаться в унитаэном бачке или гадить в душевую, – ответила я, записывая номер «кирпичников». На всякий случай. Директор не отвечал. Не только на звонки, но и за свои слова.

– Да как вы можете такое говорить! Где только набирают таких «профессионалов»? Вы должны предложить бюджетный вариант и дорогой! А мы обсудим и выберем! – возмутился «инженер», у которого в игре наверняка все помещалось.

– Хорошо, если хотите подешевле – большая универсальная дырка в полу, два крана и шланг! – огрызнулась «профессионал» в моем лице. В голове играла музыка к одноименному фильму, и к вертолету медленно шел Бельмондо. Именно такой походкой я прихожу к той мысли, что где-то в душном офисе сидит одинокий проектировщик, который не догадывается о том, что через пару дней на его пороге появится дружная семья разобиженных «дизайнеров и инженеров», тыкая пальцем в мой проект и сетуя на то, что

девочка, с которой работали – «просто капец какая тупая». И Вы, уважаемый, поможете нам довести до ума наш домик. В этот момент должна заиграть тревожная композиция «Ничто не предвещало беды».

– Так, все, с вами работать невозможно! Зря мы с вами связались! Что за город, ни одного профессионала нет! – фыркнула «дизайнерша». А я пожалела, что образцы кирпичей привезут только в понедельник.

Может сходить куда-нибудь? Нет, не туда, куда меня посылают, а в кино, например. Я посмотрела на анонсы, помялась, увидев цены, и поняла, что фильм могу посмотреть и дома. Если куда-то идти, то только с кем-то. А одной... я зевнула и потянулась, не хочется. Гендерный философ с сайта знакомств усиленно доказывал мне, что мужская обязанность – «построить жену, посадить седалище в альковы дивана, вырастить пивное пузо». Со своей стороны я построила вполне цензурное предложение – несогласие, посадила его в черный список, предложив вырастить хотя бы одно полушарие.

Я включила любимые мультики и фильмы, которые знаю наизусть, и занялась домашними делами.

Сказочная жизнь! Я почувствовала себя Золушкой, которая снимает жильё наполоам с Рапунцель с непрекращающейся линькой. Справившись с уборкой, я героически доползла, как Герда, до царства Снежной Королевы, откуда отвоевала промерзлый кусок... Кая... Тьфу ты, фарша. На остатках пакетика, в который завернут «фарш», значи-

лось: «...ай и... кай!». Про «ай» я не знаю, но Кая вечная мерзлота явно не пощадила. Я вспомнила пакетик—рекламу «покупай и запекай!» и успокоила свое разыгравшееся воображение. Мне удалось отыскать теплые штаны в Нарнии, где уже давно идет борьба за место на полках и за призовые места на трех вешалках. Попутно я передавала теплые приветствия Русалочке, пылесосила ковер – самолет, который если что и умеет поднимать в воздух, то только пыль, протира-ла скатерть-самодранку, пытаюсь отскрести от нее прилипшее варенье, приблизила встречу Дюймовочки и Эльфийского Принца, раздавив ее второго жениха. А потом подошла к волшебному запотевшему зеркалу, протерла его и изрекла: «Я ль на свете всех прекрасней? О! Молчанье – знак согласия!». Все! Справилась! День прошел не зря. Уря!

Где-то в столовой на Пушкина еще одна семейная шлюпка была спущена на воду. Молодые сейчас налегают на шампанское и весла, а гости щедро инвестируют экспедицию за семейным счастьем. Предчувствие мне подсказывает, что золотая свадьба – это не только пятьдесят лет совместной жизни... То, что жених пару раз был уведен под пение сирен, чтобы побыть несколько лет в одиночестве, невесту ничуть не смущало. Совет да любовь, дорогие мои.

Я снова посмотрела на себя в зеркало, гордо вскинув веснушчатый нос. «Ловить мужиков надо! Иначе вообще одна останешься!» – со знанием жизни твердила «невеста», сдувая пылинки со своей добычи. Когда я в первый раз закинула

невод, пришел невод с Зеленой Тоской. От получки до получки он ходил чернее тучки. И ныл, ныл, ныл. Если в названии одной шведской группы сделать ошибку, то получится основная причина нытья – «БАБА». Мы три месяца жили «шведской семьей». Я, он, его бывшая и ее нынешний. Я жила с Тоской, а Тоска, как потом выяснилось, жил на ее страничке, изучая все ее фотографии с новым мужем. Однажды Тоска забыл телефон дома. И в этот день я поняла, что в подметки не гожусь этой чудо-женщине. Она – космонавт, программист, пожарник, бухгалтер и так далее. Он каждый день поздравлял ее с очередным профессиональным праздником. В итоге группа «БАБА» сменила вторую вокалистку в моем лице, и до сих пор где-то гастролирует. Где – не знаю и знать не хочу, потому что история про их отдых в Анапе и первое свидание у меня отлетает от сточенных в порыве ревности зубов.

Второй раз закинула я невод, пришел невод с Одной Скотиной. Врал он каждый день, на ровном месте, да так, что если бы у него в процессе вранья увеличивалась выпирающая часть тела, как у Пиноккио, то в книге рекордов Гиннеса в алфавитном указателе на букву «н» или на букву «ч» сто процентов отвечивала его фамилия с пометкой «самый длинный». И был бы он либо самым страшным мужчиной на свете, либо самым желанным. Недолго думая моя яхта отправилась в закат, обдуваемая морским бризом, а его потрепанная шхуна по всем портам, где у него уже был целый спи-

сок знакомых... людей.

Третий раз закинула я невод, пришел невод с Золотым Рыбом. Или где-то в море впадала труба, щедро выливая отходы вредного производства, либо пора бить всемирную экологическую тревогу, либо пора бить всемирную экологическую тревогу, но Золотой Рыб требовал, чтобы я выполняла его желания. Подай, принеси, отнеси, поддержи, купи, найди, унеси и снова принеси. Пока Раджа отдыхал после трудного рабочего дня, я должна была скакать вокруг него золотой антилопой. Услышав в очередной раз упрек за промедление в виде раздраженного: «Ну!» – золотая антилопа превратилась в антилопу Гну. И вместо опахала помахала рукой на прощание.

Завтра рано на работу, поэтому я улеглась спать пораньше, любуясь свежим постельным бельем. Воображение настроилось на ласковое море и нежный прибой, как вдруг... перед глазами возникло все то же гнусное место, все тот же соломенный тюфяк вместо матраса и ожог, который выглядел очень тревожно. На дверь наседали, тарабаня в нее всеми конечностями. «Крыса! Открывай! Тебя на бой вызвали!». Через секунду стуки прекратились после слов: «Сдохла, наверное...». Геннадий предусмотрительно заполз в свою щель и забился в нее. Мне безумно захотелось крикнуть: «Гена, подвинься!», но я не успела. Мощная вспышка и дверь вылетела с петель, заставив меня вжаться в мокрую и холодную стену.

– Вот ты где! А ну быстро на бой! – заорал какой-то му-

жик, вытаскивая меня за шкирку. «Леся, проснись!» – твердила я, усиленно жмурясь. – «Плохой сон, плохой сон...»

Мое тело тащили по кривой освещенной улочке, навстречу мне высыпала толпа. Через минут десять меня опустили на землю. Разглядеть мне так ничего и не удалось. Я попыталась встать и осмотреться, сжимая кулаки. Внутренние органы слиплись в один ком, подбираясь к горлу с криками: «Спасайся кто может!». Ноги прогибались. Я не удивлюсь, если уползу отсюда коленками назад.

Кто-то, я даже не увидела кто, надел мне на шею какой-то флакон на цепочке. Я попыталась его рассмотреть, но тут же меня толкнули в черный круг, где уже стоял мужик средних лет в какой-то роскошной хламиде. Вокруг нас вспыхнуло пламя.

– Ну что, друзья, – раздался громоподобный голос. – Готовы к представлению?

Толпа подтвердила свою готовность оглушительным ревом. Внутри меня какой-то виртуоз пилил на одной единственной струне нечто похожее на музыку из «Криминального Чтива» под аккомпанемент моих стучащих зубов.

– Готовы, я спрашиваю? – голос явно подначивал толпу, которая уже бесновалась так, что пора бежать за экзорцистом. – Итак, сегодня в круге... Ниал Работорговец, которого мы все прекрасно знаем! И... Элесса, по прозвищу Крыса. Бедная девочка...

Голос притворно всхлипнул, вызывая чей-то свист.

– ... Посмотрите на нее! Она слишком труслива для поединка! Посмотрите, как трясутся ее руки и как прогибаются ее колени! Но... Вдруг это отвлекающий маневр? Ниал, не вздумай ее целовать...

Толпа шутку оценила сразу.

– Что-то я сегодня многословен! Да начнется бой! – оглушительно закричал голос.

«Леся! Просыпайся!» – простонала я, щипая себя и оглядываясь по сторонам. И тут в меня устремилась ослепительная вспышка, от которой я дернулась вправо, чувствуя, как по телу пробежала волна ужаса. Вторая вспышка прошла мимо, пока я пыталась сориентироваться, как загнанная в угол мышь. Я уже подумывала броситься сквозь стену огня, но тут раздался этот самый противный голос:

– Элесса, ты уже однажды была дисквалифицирована. Так что второй раз этот номер не пройдет! И вместо дисквалификации тебя ждет смерть!

Что-то пролетело мимо меня, заставляя мои волосы встать дыбом от ужаса. Я бросилась бежать по кругу, понимая, что в этом страшном сне у меня нет никаких шансов.

– Просыпайся! – твердила я себе, лихорадочно уворачиваясь от летящих в мою сторону огненных вспышек. «Может... может... – я сглотнула, задыхаясь от ужаса, – у него манна кончится раньше, чем... чем... Я?»

Мне пришлось упасть на землю, пропуская мимо себя огромную струю пламени. Своего противника я даже

не успевала разглядеть. Толпа шумела, галдела, орала во все горло. А вы говорите, Олимпийские Игры! Да я сейчас пре-вращусь в Олимпийский Факел!

Я едва сумела вскочить на ноги, чувствуя, как что-то жаркое прошло рядом с моим плечом. Прокашлявшись и сжав кулаки, я увидела, как из них струится дым. Пришлось снова упасть, чтобы меня не сожгло заживо. Мама! Мамочки! За что мне все это! Я дышала, как насос, пытаюсь определить, откуда пронесется новая вспышка, толпа ликовала, глядя, как я бегаю по кругу, спасаясь от смерти. Пора включать задорную музыку из «Деревни Дураков», единственным населением которой, по итогам последней переписи, являлась я.

Почему я – не великий... Ай! Еще немного бы и... Черт! Фух! ... маг? И все остальные маги мне завидуют? Ибо они всю... Да что ты будешь делать! ... жизнь учились, посадили зрение над древними фолиантами, а мне стоит чихнуть, и всё! Всадники апокалипсиса уже стучат копытами по душу аллергена! Мама! Мы так не договаривались! Ну почему я не древний артефакт, равный по силе одной атомной и двум водородным бомбам? И не секс – бомба с радиусом поражения километр на километр? Чтобы все мужики при виде меня не то что заклинание произнести, а двух слов связать не могли, молча пуская слюни в измученную мечтами обо мне ладошку? Пронесло! Повезло! Какое счастье! Именно этой ладошкой они полируют рукоять меча, который в лю-

бой момент готов встать на защиту моих конституционных прав! Ай! Еще немного бы, и... Может, во мне такая древняя кровь течет, что даже комары прикладываются ко мне с благоговейным трепетом? Сомневаюсь! Очень... сомневаюсь!

Нет! Нет! Право? Лево? Все равно! Я снова закашлялась, чувствуя, как смерть уже приготовила пакетик для моих останков. Веник и совок... Да что такое! Из рук пошел вонючий едкий дым, который заволок все вокруг, пока я судорожно пыталась понять, с какой стороны костлявая помашет мне косою.

Дым становился гуще, вызывая у зрителей явный интерес. Я понимала, что мне самой тяжело дышать. Оторвав кусок одежды, я стала думать, чем бы ее намочить. Огненная вспышка полыхнула где-то совсем близко, я побежала наобум, пока не наткнулась с разбегу на нечто холодное и твердое. Наощупь, мне показалось, что это – колонна. На груди болталось увесистое украшение, пока я дрожащими пальцами мяла тряпку, пытаюсь проглотить приступ мучительного кашля. Фляга. С пробкой... Нет, чтобы с крышечкой! Сидисты! Я попыталась вытащить зубами пробку, тревожно оглядываясь по сторонам. А штопор где?

Где-то справа раздался надрывный кашель. Я замерла на месте, вжимаясь в колонну и пытаюсь обойти ее с другой стороны. Пробка не поддавалась, но я слышала, как что-то плещется внутри. Кашель переместился, и сквозь дым я уви-

дела новую вспышку. Мамочки! Я тянула пробку изо всех сил, проклиная того, кто ее так глубоко засунул. Хлоп! Пробка вылетела, а я лихорадочно стала поливать тряпку жидкостью, на поверку оказавшейся обычной водой. Приложив мокрую тряпку к лицу, я застыла на месте, сжимая в руках пустой флакон. Не скажу, что дышать стало легче, но все-таки... Толпа кричала со всех сторон. Еще одна вспышка где-то неподалеку. Опять кашель. Я снова поменяла место дислокации, немного обойдя колонну по кругу. «Вы верите в жизнь после смерти?» – когда-то спрашивали меня тетечки с книжечками, заглядывая в мои глаза. Мне очень хотелось расплакаться, потому что в данный момент мне хочется верить во все что угодно! «Лесенька, проснись!» – тихо стонала я, скривившись так, словно съела лимон без сахара. – «Лесенька, умоляю! Давай, ты сейчас закроешь глазки, а потом откроешь – и будешь лежать в теплой и уютной постельке!»

Я сглотнула, закрывая глаза так, как не закрывала в стоматологическом кресле. Посчитав до трех, я открыла их. Пейзаж не изменился, а я чуть не стала натюрмортом, но успела дернуться в сторону. Внезапно из дыма появилась рука, которая схватила меня за горло. Раздался сиплый голос:

– Попалась!

Холодные пальцы держали меня за горло. Я попыталась ударить его коленом в пах, но цепочка от чьего-то подарка впиалась в мое горло вместе с холодной рукой. Я схватилась за руку, меня держащую, краем глаза глядя на очертания

огромного огненного шара, которые был совсем близко.

– Одно движение – я тебя испепелю! А ты юркая! – смех перешел в кашель. Дым развеивался, а я чувствовала, как не могу пошевелиться. Толпа орала, вопила, свистела, а я куда-то плыла...

Через минуту я проснулась на своей кровати, сглатывая и хватаясь за сердце. Родная подушка и любимое одеяло! Тяжело дыша, как будто только что пробежала марафонскую дистанцию, я вглядывалась в темноту. Нашарив ногой тапки, включив свет и добежав до кухни, я щелкнула чайник, сполоснула кружку и забралась на стул с ногами, кутаясь в махровый халат. Глоток кофе меня слегка привел в чувство. Девять вечера. Десятый час. Я допила кофе, чувствуя, как меня клонит в сон. Пришлось наливать вторую кружку. Я выпила вторую кружку, отгоняя навязчивые и незабываемые впечатления.

В подъезде хлопнула железная дверь, и раздалось громкое: «Се-е-екс!». На лестничной площадке жила дама средних лет, у которой было то, чего пока еще не было у меня. Секс, Норка и Лексус. Но у меня все еще впереди. Секс был воистину чудовищным. Лексус тоже был не первой свежести. Норка выглядела вполне прилично. «Секс! Куда пошел! Иди к мамочке!». В ответ послышалось «мяу!». Для адептов Великого Тонометра, вестницей которого была Скорая Помощь, их звали Кекс, Норка и Уксус. Дверь снова с грохотом закрылась, отвлекая меня от постижения смысла питания.

Третья кружка подошла к концу.

Меняхватило до двенадцати ночи. Я ходила по комнате, прикидывала какие таблеточки надо пропить, и к какому доктору стоит записаться на прием, чтобы избавиться от этих кошмаров. За неимением доктора, за мое лечение взялся интернет. Он мне советовал расслабиться и выбросить все из головы. За два часа я освоила позу лотоса, научилась мычать на зависть всем коровам, почти постигла тайны вселенной, пропуская сквозь себя поток невидимой космической энергии, омывающий мои засоренные чакры. Сверху доносилось: «... наши дороги строили представители иных цивилизаций, с целью последующего порабощения землян. Посмотрите внимательно на карту города. Все дороги соединены между собой и представляют....»

«Представьте себе, как чакры начинают чиститься и раскрываться! Поток космической энергии смывает всю грязь! Расслабьтесь. Представьте, как невидимая вода смывает весь негатив!». Я представила, поглядывая на холодильник, журчащий водопад, фонтан, душ, ведро воды, смыв в туалете, проливной дождь. Ом.... Ом-м-м.... Я еще раз посмотрела на холодильник, сделала бутерброд и окончательно впала в нирвану. Никогда не занимайтесь йогой рядом с холодильником! Иначе «Омммм!» превратится в «Ом-ном-ном!»

В десять минут первого я поняла, что вот-вот отключусь. Ладно, попробуем подумать о хорошем! Я мысленно рисовала морское побережье, красавца – мужчину, который бежит

мне навстречу с криками «Любимая!», орущих чаек, которые негодуют от того, что мы не взяли с собой буханку хлеба. Ну вот, вроде бы представила. . . .

Я очнулась в комнате с зеркалами. Неподалеку стояла группа девушек. Одну из них, очень симпатичную блондинку, толкнули в сторону прохода. Она расправила плечи, изобразила самый томный взгляд, а потом двинулась так, что маятник позавидовал бы амплитуде колебаний роскошных бедер. На ней было бирюзовое платье. Я выглянула, чтобы посмотреть, куда, собственно, ее послали, и не сходить ли мне по тому же адресу, если там есть санузел? Пока она шла по подиуму, зал гудел. Ну вот это совсем другой сон! Я даже обрадовалась. Толпа заволновалась, но девушка так и не вернулась в наши знойные ряды. Следом за ней поплыла брюнетка с волнистыми волосами в черном платье. Грациозно, как пантера, она скользнула на подиум, и толпа разразилась овациями. Удачная модель. Ищите на всех прилавках Парижу, ЛондОна и местном вещевом рынке. Брюнетка не вернулась. Я поискала глазами кутюрье, но он, видать, был стеснительным и робким человеком, поэтому не появлялся. Зато гримеры были просто отличные. Два шифоньера уже вытаскивали забившуюся в угол шатенку с короткой стрижкой и детским личиком. Модель либо очень сильно стеснялась того, что на нее нахлобучили, либо чувствовала, что анорексия не даст ей дойти до конца подиума без приключений, поэтому всячески сопротивлялась возможному конфузу. Ее

вытолкнули на подиум, и она совсем не модельным шагом посеменила демонстрировать белое платье. Зал притих, а потом довольно зашумел. Вот еще одна вешалка в бутике скоро будет занята. Совесть мне намекала, что древнейшие эксперты у подъезда безошибочно определяют место работы его обладательницы, стоит хотя бы раз увидеть обновку.

Я посмотрела на себя в зеркало и увидела редкостное чучело-мяучело. Нет, лицо мое было точно таким, каким я знаю его много лет, правда, грязи на нем не убавилось, а ветхие лохмотья, которые художественно висели на мне, придавали показу изюминку смелого дизайнерского эксперимента. Ладно, я иногда смотрела модные показы, так что мой образ еще не самое страшное, что может выползти из-за кулис. И все это под прикрытием модного дома, возглавляемого дизайнером, у которого не все дома. Мне самой иногда хотелось взять пистолет и выносить каждому модному чудовищу консервативный приговор. Но потом я понимала, что модель не виновата в том, что в платье – стекловата. Остальное из одежды – босоножки и сережки.

Наверняка я – звезда программы, раз меня оставили на десерт. Вот на подиум шагнула девушка, робко делая шаги навстречу мировой известности и глянцевым журналам. На ней было платье – шинель. «Шинель номер пять» – мысленно прозвала я эту практичную модель, потому что красавица была пятой по счету. Девушки убывали. Некоторые, правда, возвращались обратно, где их передевали, и через

несколько заходов они снова возвращались на подиум.

И вот настала моя очередь. Я встала, а потом медленно направилась в сторону «подиума». Стоило мне выйти «в люди», как раздалось многозначительное «у-у-у!». Невидимое жюри выставляло светящиеся оценки. Если по пятибальной шкале, то я – молодец, если по десятибальной, то... так себе... Двадцать три? Неужели по стобальной? Ну тогда пора отдать дизайнеру должное. Эксперимент не оценили. Двадцать три так и висело в воздухе. Раздался шепот, и появилось пятьдесят. Пятьдесят исчезло, и появилось пятьдесят... один. Господа, да у меня дома такие лохмотья даже бомжи не носят! Пятьдесят один засветилось еще раз, и...

– Феникс, – раздался насмешливый голос. – Ты не хочешь прикупить себе?

– Я предпочитаю не покупать девочек, а завоевывать, – раздался голос. Шутку оценили, и торг продолжился.

– Продано! – постановил голос. Ладно, куда дальше? Меня повели по залу и вручили какому-то противному старику, который критично осмотрел меня со всех сторон.

– Пойдет! – буркнул старик, расплачиваясь с моими провожатыми. Через десять минут меня тащили по улице два потных мужика под руководством старика, который показывал дорогу. Я занервничала, пытаюсь проснуться, потом попыталась выкрутиться, но меня держали как родную. Красивая дверь открылась, и меня втолкнули в прихожую, уставленную витринами с какими-то склянками.

– Ну что ж! – радостно проскрипел старик, осматривая свои хоромы. – Приступим-с.

Меня завели в мрачную комнату, где из мебели стоял огромный стол, шкаф со всякими бутылочками и стул. В углу лежала горстка пепла.

– На чем мы остановились? Защита от заклинания «огненный вихрь». Ну-ка, ну-ка! – старик помусолил свою бороду, отпуская «доставку». – Интересно, интересно...

Глава четвертая. Опытная подопытная крыса

*Требуется опытная крыса для работы
подопытной крысой.*

Опыт работы обязателен!

Почему-то мое воспаленное воображение рисовало мне тайную лабораторию, сумасшедшего гения, принесшего в жертву науке свой рассудок, дичайшие эксперименты, благодаря которым на свет появились почти все супергерои. Так что у меня будет выбор: стать просто героем посмертно или супергероем. Я и так покушать не всегда нормально успеваю, а тут каждую секунду кого-то нужно будет спасать. Метеорит упал, новый вирус шагает по планете семимильными шагами, терроризм, падение самолета, взрывы и наводнения. Сходил Супергерой в туалет, называется. Отлучился на десять минут. И пусть весь мир подождет. И мир подождал. Что-то я не помню, чтобы супергероям платили зарплату. А у меня с недавних пор есть правило. Приносить домой не только радость, но и деньги. Кстати, в маске и в плаще меня можно увидеть каждую пятницу, когда я, завернувшись в одеяло, стою возле зеркала и читаю на упаковке, через сколько смывать эту белую пасту, размазанную по всей физиономии. Глядя на свое отражение, я понимаю, что узрев

меня, мир предпочел бы спастись сам. И, возможно, даже бегством!

Да. Это – не сон. Ну не может быть так, чтобы все было как по-настоящему! Я ничего не понимаю. Почему никто не летит ко мне с энциклопедическими знаниями о данном месте, не выдает в первые же секунды моего пребывания экстренную географическую и историческую сводку? Где нудные рассказы, как в эпоху Царя Гороха всем жилось вполне неплохо? Где местные краеведы, историки, географы, культурологи с ведром лапши и ценными сведениями, которыми они щедро делятся со всеми, кто покажется им «потерянным и не найденным» с наивным взглядом полусумасшедшего? Где все? Ау!

– Простите, пожалуйста, – вежливо произнесла я, глядя на скрюченную спину старика, перемешивающего какие-то настойки и довольно крякавшего, глядя на цвет получившейся мешанины. – А не могли бы вы сказать, где я?

– Ась, ась? – прислушался старик, хмуро глядя на меня. – Что ты там мямлишь?

– Где я? – заорала я, глядя на волосы, которые торчали кустами из ушей деда.

– Вот! Теперь слышу! Ты? Ты в Единственном Городе Кадингере! У лучшего фармацевта! Меня зовут Великий Мог! И мы с тобой... – старик прищурился, перемешивая содержимое склянки. – ... будем заниматься наукой.

Чувство сопричастности к великому научному открытию

омрачалось только тем, что прорыв в науке сделают за мой счет. И пока кто-то двигает науку, мне пора двигать отсюда ноги.

– Кадингер? – уныло, но достаточно громко переспросила я, понимая, что игра в города здесь не практикуется. По вполне понятным географическим причинам. Меня шатало от голода и обезвоживания. Во рту не было даже маковой росинки и дико хотелось пить.

– Ась? Ась? Не мешай мне! Твои разговоры меня отвлекают от важного дела! – рявкнул старик, пипеткой добавляя какую-то муть в получившееся зелье. Это мне напомнило те моменты, когда убираешь со стола после гостей, сливая все недопитое в один фужер, чтобы по окончании банкета залпом осушить его... в раковину.

– А попить можно? Водички? – громко попросила я. Мне дали воды. Когда я пила воду, у меня возникло чувство, что я выросла в пустыне и единственным утешением в моей жизни был кактус. А теперь я сижу, ностальгирую кактусом, растущим на подоконнике, поглядывая, как за окном строители ссыпают груды песка. Во рту снова пересохло.

– А можно еще? – закричала я, протягивая миску.

– Нет. Одна миска воды в день. Больше не полагается! – рявкнул дед. – Воду тоже надо заслужить!

Пипетка отмеряла капли, зелье в колбе мутнело, а мой пустой желудок сворачивался в трубочку при мысли, что мне придется его пить. Я осторожно двинулась в сторону двери,

стараясь не привлекать к моей скромной персоне излишнего внимания. Я – не трус, но вот конфуз. Дверь закрыта. Кучка пепла в углу мотивировала не хуже фильмов про апокалипсис в череде серых будней беспросветной экзистенциальной тоски.

– А теперь осталось подождать конца реакции и ... – обрадовался старик, придирчиво глядя на промежуточный результат.

– А как так получилось, что здесь всегда темно? – напрягая связки до предела, спросила я, с глухим стоном осматриваясь по сторонам. Чувствую я себя совсем неважно.

– Многие магические воздействия не любят свет, – заметил старик, глядя, как внутри колбы что-то загорается. Мне показалось, что там утопили светлячка.

– Нет, я не про ваш дом. Я про все вокруг. Просто я мало знаю. И мне все интересно! – заметила я, вспоминая о том, что старики любят поговорить. Особенно глухие.

– Ну что ж... – ученый поправил бороду, сплетая пальцы на груди, поглядывая на свое зелье. – Отчего бы и не рассказать? Этот город много сотен лет назад был построен магами для магов. Именно здесь процветало наше искусство. Сюда стекались колдуны и маги со всего мира! Все, у кого был дар, нашли свое место здесь. Нас пытались поставить на колени, обложить законами, но для магов нет законов! Мы уважаем только силу. Но эти твари не смирились. Они хлынули на нас, мечтая стереть Кадинггер с лица земли. Наши пред-

кам это не понравилось, и весь мир заволокла тьма. Знаешь, как испугались эти неумехи? Они приползли к нам на коленях, требуя вернуть все обратно. Те, кто еще недавно сжигали нас, теперь стояли на коленях перед нашим городом, умоляя вернуть солнце. Тысячи людей стояли на коленях перед Кадингером, а мы смеялись над ними. Мы, в отличие от них, умеем обходиться без солнца. Нам не нужен солнечный свет, если у нас есть сила. Вырастить растение при помощи магии – пара пустяков! Мы просто ждали, когда эти неумехи и слабаки поубивают друг друга, в борьбе за щепотку ресурсов. Всю пыль их цивилизаций, все, чем они так гордились, всю культуру, искусство, историю сдуло черным ветром отчаяния. Они гибли за стенами, умирали от голода, жрали друг друга, плевали на собственные законы, пока мы здесь пировали и наслаждались жизнью...

Старик гордо умолк. Я настроилась слушать дальше, но «дальше» не было. И все? А где рассказ про целую вереницу правителей, сменяющих друг друга, как листки отрывного календаря? Да, сдавать здесь экзамен по истории одно сомнительное удовольствие.

– Здесь нет никаких законов? – поинтересовалась я, обводя мутным взглядом комнату. Когда за тебя некому заступиться, сразу вспоминаешь о законах.

– Ась? Законы? Законы – это щит слабых. А слабым не место в Кандингере. Сильные не должны подстраиваться под слабых. Люди хотели, чтобы мы, маги, обладающие силой,

подстраивались под них, считались с их мнением и жизнью, – заметил старик, отслеживая реакцию в своей мензурке. – У слабого есть два пути. Стать сильным и стать нужным. Ну что ж. Давай—ка для начала займемся твоим ожогом. Ты будешь говорить мне, что чувствуешь, а я буду записывать. Итак.

Идея была плохой. Я сразу представила протокол с моими односложными восклицаниями. Через лет сто шкалу от «мля, это невыносимо!» до «ой-ой-ой, щиплет!» назовут моим именем. Если вы вдруг мечтаете внести свой вклад в науку, не обязательно получать научные степени и участвовать в конференциях. Можно просто задумчиво смотреть сквозь прутья клетки на людей в белых халатах.

Мне в руку дали пузырек с синей жидкостью, вызвавшей у меня ассоциации с антифризом и прочими производными химической промышленности.

– Я не буду пить! – категорически ответила я, вспоминая, какого цвета у меня жидкость для чистки сантехники. «При попадании на кожу – промыть водой, при попадании в глаза – промыть водой и обратиться к врачу, при попадании внутрь – обращаться к патологоанатому!».

– А кто тебе сказал, что это надо пить? Лей на ожог, – заметил ученый, отслеживая пузырьки на дне своего нового изобретения. – Я немного изменил формулу. Сделал его слабей. Если все пойдет нормально, то ожог слегка залечится...

– А нет такой штуки, которая вылечит его сразу? – поинтересовалась я, опасливо глядя на склянку и ее содержимое.

– Зачем? Мне это не выгодно. Это зелье лишь вызовет легкий эффект заживления. То что нужно, чтобы обзавестись постоянными клиентами! – воскликнул старик, пристально глядя на результат.

Я посмотрела на руку, зажмурилась – и полила ее. Кожа слегка порозовела, волдыри уменьшились. Повезло. Было лишь легкое покалывание и пощипывание.

– Больно? – поинтересовался старик, разглядывая мою руку.

– ДИСКОМФОРТНО! – заметила я, радуясь, что боль, к которой уже почти привыкла, прошла.

– Вот нечего себе там шептать под нос! Говори нормально! Надо еще разбавить. Нормальное зелье для лечения ожога вызывает дикую боль. А это – разбавленное в пропорции один к десяти. Чтобы вылечить ожог нужно купить десять банок. Десять банок по двадцать это уже двести. Неплохо. Пятнадцать банок по пятнадцать – двести двадцать пять.

Это чудодейственное снадобье сделано из вытяжки крыльев бенгальской акулы, и отлично помогает вам избавиться от... лишних денег. Это снадобье лежало рядом с чудодейственной молекулой, от которой набралось невероятных целебных свойств!

За стеной раздались шаги и окрик. Старик делал какие-то записи, не обращая внимания на стук. Кто-то уже сломал

об дверь правую руку, теперь ломает левую. Я молчала. Через минуту в дело пошли ноги, пытаюсь выбить дверь. Правая нога уже устала, поэтому ей на помощь через некоторое время поспешила левая! Судя по тому, что после паузы стук возобновился, у меня появилось подозрение, что пришел мужчина. А все потому, что женщина не была бы такой настойчивой.

– Кто-то стучится! – громко заметила я.

– Где? Стучат? А? – встрепнулся Мог, бросая записи и со скрипом вставая со скрипучего стула. – Так чего ты молчишь? Мой предыдущий раб предупреждал меня о клиентах!

Сейчас, очевидно, стучались головой.

– Иду-иду! – произнес старик, глядя на свое незаконченное детище. – За мной, живо!

Я только сейчас заметила у себя на левой ладони странный круг из знаков. Я попыталась его оттереть, но круг засветился, и невидимая сила поволокла меня вслед за стариком, который шоркая, как лыжник и откашливаясь, как счастливый обладатель квартиры неподалеку от цементного завода, открыл дверь в свой магазин. Теперь мне удалось рассмотреть его как следует. На полках стояли разнообразные флаконы, выставленные со всей педантичностью и скрупулёзностью.

– Яды заканчиваются, – тяжело вздохнул «фармацевт», глядя на два пузырька. Я тоже заметила, что жить стало лучше и веселее! Стук в дверь усилился. – Да заходите уже!

Мое внимание привлекла большая клетка со следами чужой активной жизнедеятельности, стоящая в углу. Либо хомяк, ранее обитающий, вырос до размеров медведя, ни в чем себе не отказывая, либо...

Прямо так и хотелось воскликнуть: «поздравляем с официальным оформлением на работу!». Белые тапочки зарплата, полный суицидальный пакет, официальное оформление похорон. Не знаю, полагается ли мне премия за храбрость и надбавка за добавку, но сверхурочные, я так понимаю, здесь практикуются со страшной силой.

Дверь скрипнула, запуская какого-то сутулого немолодого мужика в дорогом костюме с золотым шитьем и блестящими пуговицами. Исходя из его внешности, самый долгий роман в его жизни был с алкоголем. Иногда он перемежевывался мучительными расставаниями, а потом радостной встречей и очередным бредовым месяцем.

– Проходите, проходите... Что вас интересует? – участливо поинтересовался старик, изображая всю клиентоориентированную вежливость. – Я так вижу, что вы у нас впервые? Вы раньше у Горана отоваривались?

– Да, у него. Но у него закрыто. Поэтому решил зайти к вам! Мне нужно зелье лечения ожогов, – глухо, сквозь зубы, ответил мужик, разглядывая многочисленные полки в поисках панацеи.

– Ась? Ась? – напрягся дед. – Мой бывший раб всегда помогал мне работать с клиентами!

– ОЖОГИ ОН ЛЕЧИТЬ СОБРАЛСЯ! – озвучила я на повышенных децибелах, чувствуя, что у меня в горле першит от такой работы.

– А ожог большой? – поинтересовался Мог, теребя кончик бороды. Скляночки уютно теснились друг к другу, пряча в пыльных недрах разноцветное содержимое.

– БОЛЬШОЙ! – почему-то очень резко, но с гордостью ответил товарищ. У меня тоже большой ожог, но я как-то им совсем не горжусь! И меряться ожогами я не собираюсь!

– Болит? – участливо спросил аптекарь, снова изучая ассортимент.

Мужик посмотрел на него глазами кастрированного кота, который еще помнит все прелести межсезонья, но уже забыл, зачем просился на улицу.

– Мне. Нужно. Зелье. Для. Лечения. ОЖОГОВ! Больших ожогов! – процедил клиент, оглядываясь по сторонам. – Зелье. Ожоги. Вы меня понимаете? Почему Горан понимал, а ты нет?

Если он ищет зелье для лечения ожогов души, то нужно брать что-нибудь спиртосодержащее.

– А где у вас ожог? – поинтересовался Мог, перебирая склянки и доставая точно такую же, которой я поливала рану. – Вот, возьмите. Но сами понимаете, для комплексного лечения вам необходимо купить минимум двадцать штук. Я могу показать, как оно действует! Эй ты, выставь руку.

Я с готовностью предоставила свою конечность, в надеж-

де, что моя несчастная рука еще хоть немного подлечится.

– Я вам говорю. Мне не нужно зелье для лечения ожогов. Мне нужно зелье для лечения ОЖОГОВ! – заметил товарищ, а я поняла, что мне еще повезло с клиентами.

– А я вам что даю? – возмутился дед, взбалтывая содержимое пузырька.

– У меня вопрос не стоит! Перспективы вяловаты! – вспыллил клиент, теряя терпение. – Не всегда. Только сегодня!

Сертификат «героя-любовника» висящий над кроватью был заменен на утешительную грамоту «за прошлые заслуги».

– Говорите, что вам нужно! – зашелся Мог, перерывая свои сокровища. Его белые узловатые крючковатые пальцы хватили все пузырьки подряд, стирая с них пыль.

– У него инструмент не работает! Настойка для настройки нужна! – громко заметила я, чувствуя себя работником инфостойки. – Не мужик он сегодня, короче!

В детстве я мечтала стать переводчиком. Кажется, я делаю первые успехи! Из руки клиента в меня полетела сверкающими брызгами молния, от которой я успела увернуться. А такими темпами я быстро стану токопроводницей.

– А!!! Только у меня это называется «средство с улучшенной формулой»! – сориентировался Мог, доставая небольшой флакончик и протягивая его клиенту. Тот расплатился и вышел, преисполненный негодования.

Мог отвернулся, а я осторожно сдвинулась к двери, погля-

дывая в сторону старика, застывшего напротив ядов. Только я собиралась дернуться к двери, как она распахнулась. На пороге стоял и пытался отдышаться тучный посетитель, которому срочно нужно чудодейственное средство от несварения. А поскольку аптекарь, у которого он раньше отоваривался, почему-то закрылся, толстяк обратился к нам.

– Мне нужно средство от желудочного конфуза! Срочно! Плачу двойную цену! – прошептал толстячок, потея и страдая. – Или как оно у вас называется? Только срочно!

– СРЕДСТВО С УЛУЧШЕННОЙ ФОРМУЛОЙ! – громко озвучила я, глядя на то, как Мог достает знакомый флакон, получает двойную плату и вручает ее клиенту. Как я зла! Еще бы немного! А мужик пусть развлекается. Одно другому не мешает.

Дверь закрылась. Я несколько раз глубоко вздохнула, чтобы собраться с силами, глядя как хозяин проводит ревизию своих владений. Колени тряслись, я нервничала.

Я уже почти продвинулась к двери, как на пороге возникла мадам, одетая так, словно только что отпустила клиента. Вульгарная, растрепанная, неухоженная посетительница ткнула список в лицо Могу. Тот приложил бумажку к носу, пытаясь разобрать буквы. После нескольких тщетных попыток старик прокряхтел, что забыл, куда положил очки и сунул список мне, дескать, читать умеешь – читай.

– Средство от Любовной Горячки, средство от Пикантных Поцелуйчиков, средство от

Так я заочно познакомилась с названиями местных венерических болезней. После этого листочка мне хотелось вымыть руки с мылом три раза. Бррр!

– Это все? – спросил дед. – Возьми с полки то, что нужно! Учти! Разобьешь хотя бы один флакон – я тебя убью! Эти зелья стоят дороже, чем ты! В сто раз!

С таким подходом аккуратность – мое второе имя!

– Там все подписано! – кряхтя, произнес старик. – Не вздумай перепутать!

После этих слов честность и ответственность – мое третье имя!

– И приглядывай за товаром! Мало ли! Унесут и не заплатят! – Мог открыл шкаф и достал оттуда недостающие зелья, расставляя их на свободные места.

Стоит ли говорить, что внимательность – моя фамилия?

Мне вот интересно, пакетик предлагать? Карточку спрашивать? Чек рисовать? Сгребая покупки и расплачиваясь, дама заметила, что раньше здесь никогда ничего не покупала. Но все другие почему-то закрыты. Буквально минут сорок назад работал Филин, но теперь дверь закрыта, и в окнах не горит свет.

Ну да, это мы – круглосуточный супермаркет, а я – единственный кассир, который едва держится на ногах.

Я снова посмотрела на дверь, думая, как бы получше улизнуть, но следом за разукрашенной мадам пришел взволнованный молодой мужчина в синем, воровато оглядываясь.

На руке у него было три кольца с разноцветными камнями, два кольца без камней.

– МОГ! – заорал Властелин Колец, нетерпеливо барабанил пальцами по столу и всеми голосовыми связками давая понять, что он – постоянный клиент.

Старик высунулся из подсобки, куда нырнул за новой порцией товара. В худой руке старика очутилась мятая записка. Мог, внезапно нашедший свои очки, прочитал ее и посмотрел на флаконы.

– Сто солнц, – произнес он, оглядываясь по сторонам. Мужик кивнул и положил на прилавок кошель, поглядывая на дверь.

– И зелье защиты от огня. Такое, чтобы хватило минимум секунд на десять! – добавил клиент, осматриваясь по сторонам.

Мог полез внутрь витрины и достал флакон, покупатель рассчитался за него отдельно, придирчиво осматривая содержимое.

– Я могу проверить зелье? – поинтересовался покупатель, поглядывая на меня.

Есть у меня предчувствие, что по окончанию карьеры «подопытного кролика» я гордо вскину и закину на плечо нос, сделаю третью грудь колесом, сожму двумя руками зарплату, а третьей вежливо помашу на прощание, утру хвостом скупую слезу, текущую по моей чешуйчатой щеке. А все, кто будут провожать мои формы взглядом, я с удовольстви-

ем подмигну третьим глазом, для которого придется делать дырку чуть пониже спины. Зато теперь никто не застанет меня врасплох. В том числе и финансовый кризис. Я всегда могу показывать себя за деньги. Меня возьмут со всеми руками и со всеми ногами и прочими запчастями, от которых взвыл бы даже разработчик боссов для дешевых компьютерных игр про последствия ядерной войны.

– Сто. Если яд, то двести... пятьдесят, – произнес аптекарь, выглядывая из подсобки. – Если собираетесь попробовать заклинания – то только возле стенки. Если с увечьями, то сто пятьдесят. А то на вас не напасешься. Не могу я каждый месяц покупать себе нового!

Я побелела, посерела, поседела одновременно.

– Дороговато, – с сожалением заметил мужик, пристально разглядывая флакон.

Вот так финансовый кризис только что спас мне жизнь.

Как только дверь закрылась, старик взял склянку с маленькой молнией на прикрепленной к горлышку бумажке, разбавил его из другого флакона, довольно крякая от полученного результата. Зелье вернулось на полку с чуть примятым уголком бирки. Записка, которая могла пролить свет на таинственную просьбу, загорелась в морщинистых руках, отплясывая отблесками в каждом сосуде. Я нервничала, не зная, когда лучше предпринять попытку побега. И как только Мог отвернулся, а я уже мысленно сказала: «на старт, внимание...», влетел какой-то мужик средних лет в костюме

среднестатистического цыганского барона.

– Приходил? Ты сделал все, как я просил? Мне зелье защиты от молний. Быстро! – процедил он, оглядываясь по сторонам. – Быстро-быстро-быстро... У меня через десять минут поединок! Быстрее!

Через секунду в руку аптекаря лег мешочек. Покупатель исчез, унося с собой недавно разбавленное зелье. Поединок обещает быть интересным.

Я уже вся изнервничалась. Дверь притягивала взгляд, но рисковать не хотелось. Я попыталась пустить дым, но получалось как-то слабо. Стоило мне снова подумать о побеге, в магазин влетела разъяренная женщина. Вид у нее был такой, словно она перепутала телефонную трубку и раскаленный утюг. Половина ее лица представляла собой ожог.

– Иди сюда, паскуда! – прошипела змеей она, откашливаясь и кривясь. – Мог! Иди сюда, тварь! Какие десять секунд? Ты что мне продал? Да меня чуть не убили!

Мог молча выслушал оглушительные крики, глядя на испорченную красоту.

– Индивидуальная особенность организма. Сами понимаете. У всех по-разному, – невозмутимо заметил старик, хотя я уже догадывалась, в чем дело. – В следующий раз берите два флакона. Могу предложить кое-что посильней! Но оно стоит дороже, разумеется!

Женщина сдула с обезображенного лица обгоревшую прядь, выкладывая деньги и сгребая зелья от ожогов. Дверь

за ней закрылась с грохотом, от которого зазвенело все содержимое полок. Мог снова отвернулся, а я прошептала себе: «сейчас или никогда», бросившись к двери. Я не сводила глаз со старика, пытаюсь нашарить дверную ручку, но меня поймали.

На пороге стояла та самая золотоволосая дрянь, которая мастерски вытерла ноги об мою самооценку, оставив неизгладимый шрам смертельной обиды в моей ранимой женской душе. На нем была темная куртка, которая застегивалась на два ряда пуговиц, а на двух верхних пуговицах болталось украшение в виде алого камня с двумя золотыми крыльями.

– Меня уже встречают с распростертыми объятиями! Я тоже очень рад тебя видеть, – с усмешкой заметил Феникс, глядя на меня ясными глазами и протягивая ко мне руку, украшенную золотыми кольцами. – Даже не представляешь как.

Глава пятая. Путевка на двоих

*– У тебя есть планы на вечер?
– У меня их куча! План побега, план захвата
мира,
запасной план к запасному плану...*

Если бы не тот эпизод, я бы подумала, что ко мне с небес спустился ангел. Ведь именно такими рисовали обитателей облаков во времена Эпохи Возрождения. Златокудрые, с молчаливым укором, от которого у созерцателей должен пробежать по спине могильный холодок, а в голову настойчиво стучаться мысли о вечности. И улыбкой меня не проведешь. В глазах стоит смертельная, холодная обида, от которой у меня должно выиграть чувство раскаяния. Сольный концерт Глубочайшего Раскаяния, после которого меня великодушно казнят. Чувство раскаяния забыло свою партитуру, выбиваясь из общего оркестра эмоций, грянувших в момент нежданной и нежеланной встречи, и его решила подменить Женская Обида, с удовольствием разминая пальцы, готовясь виртуозно сыграть на чужих нервах. Концерт «Прости меня, пожалуйста» был отменен по техническим причинам, афиши заклеены, а администратор исчез вместе с деньгами.

И тут бы мне переступить через гордость и попросить его о помощи, но гордость я не роняла. Я смотрела на него с оби-

дой, по масштабам отнюдь не меньшей, чем у него. А со стороны это выглядит так, словно мы уже имели несчастье друг для друга встречаться, причем не только взглядами, а теперь, случайно столкнувшись, моментально прокрутили в голове все гадости, которые сделали друг другу.

– И как ты собираешься выпутываться из этой ситуации? – холодно поинтересовался он, демонстрируя мне Смертельную Обиду со всех сторон. Такое чувство, будто она лежит на вращающейся витрине, а теперь весь мир должен быть прикован взглядами только к ней.

Я промолчала, возвращаясь на свое место. Если мне когда-то и хотелось кушать, то это было давно. Теперь мне просто хочется жрать. И пока жизнь кормит меня свежими впечатлениями, я чувствую неприятное жжение в желудке, который уже забыл, когда в последний раз видел что-то съедобное.

Мой взгляд снова остановился на золотых локонах. Я помню его глаза, когда он был на кураже, помню его улыбку, словно он был опьянен победой, помню легкость, с которой он принял эпохально-нахальное решение испортить мне настроение и пристрелить на месте мою очень нежную, не самую стабильную женскую самооценку.

По заказу клиента я молча достала нужные пузырьки, которые заняли половину стола. Аптекарь исчез в подсобке и с концами, изредка звеня стеклом.

Не знаю, что чувствуют кассирши, когда поднимают глаза

и видят своего бывшего вместе с его очередной пассией, скупающие все необходимое для романтического вечера. То же самое вино, те же самые комплименты, но работница кассового аппарата утешает себя мыслью о том, что на закуске уже три раза перебили срок годности, поэтому ночь обещает быть незабываемой.

Я считала в столбик сумму покупки, отгибая бирки с ценниками и вспоминая принципы сложения без калькулятора. Складывать в столбик, записывая промежуточный результат и проверяя его по несколько раз, было непривычно. Где-то открывала коньяк моя математичка, воздев руки к небу. Посмотрев на меня колючим взглядом сквозь роговую оправу хищных очков, она мысленно припомнила мне тот день, когда я надменно заявила про то, что люди изобрели калькулятор не просто так.

– Пакетик нужен? Карточка есть? – устало спросила я, подражая равнодушной интонации любой кассирши, мельком взглянувшей на десятиметровую очередь с телегами.

В ответ послышалось задумчивое «нет».

– С вас четыреста двадцать один рубль, – подавляя улыбку и придавая голосу все то же раздраженное равнодушие. – Вы в акции участвуете? Фишки собираете? У нас розыгрыш путевки.

Тишина. Есть две категории работников. Те, кто сидят на стуле ровно, и те, кто сидят на проценте от продаж. В данном случае я просто стою. В сторонке. Ставка – фиксиро-

ванная, мотивация – нулевая, так что берите фонарь, идите в лес и ищите там мое рвение и старание.

– Рассчитываться как будете? Безналом? – гнусным и грустным голосом профессиональной «пи-пи-пакетик наддо?» женщины, поинтересовалась я, проверяя калькуляцию. При всем уважении к таблице умножения, я предпочитала пользоваться обычным сложением.

– А нала нет? – машинально спросил Феникс, рассматривая какую-то пузатую склянку с зеленым содержимым. Пребывал он в состоянии крайней задумчивости, изредка поджимая губы и одаривая меня таким взглядом, после которого не отмоешься с лучшим гелем для душа.

– «А налом» мы не принимаем. Только наличными, – заявила я, глядя на покупки и стягивая углы рта в бантик, чтобы не выдать предательскую улыбку от сиюминутного прозрения.

Я бросила взгляд на него взгляд, который бросают все великие сериальные детективы, внезапно прозревая за пятнадцать минут до конца серии. Сомнения? Нет, что вы! Это именно тот самый случай, когда узнаешь соотечественника за границей по каким-то мимолетным необъяснимым движениям. Не всегда это будет попытка перебежать шестиполосный автобан в десяти метрах от подземного перехода с криками на родном и могучем: «Ой, мать твою! Сейчас задавит!». Скорее, это на уровне интуиции.

Я посмотрела в глаза, в которых было написано: «Никогда

еще Штирлиц не был так близок к провалу. Провал молчал, как мог. Мог только что уронил что-то в подсобке!».

В голове заиграла музыка из кинофильма «Семнадцать мгновений весны», перед глазами прокрутилась пленка, застыв на том месте, где Радистка Кэт прижимает к себе двух детей.

– И что там за путевка на двоих разыгрывается? – поинтересовался агент, проваливший явку, глядя на меня. Нет, ну с путевкой я не ошиблась.

– А куда ты хочешь, чтобы я тебя послала? – доброжелательно заметила я, тяжело вздыхая. Тяжело быть местным туроператором. Даже послать некуда.

– То есть я ее выиграл? – я почувствовала себя пробкой, в которую ввинчивается штопор взгляда. – Путевку сюда. Без нее я никуда не уйду.

Я невозмутимо взяла бумажку и на секунду задумалась, глядя на девственные просторы для творчества. Нет, посылать его прямым текстом опасно. Я взглянула на золотые кольца, особенно на то, которое напоминало коготь. Коготь провел по столу, оставляя глубокую царапину. Я мельком увидела, как из него появилось, а потом исчезло острое лезвие, блеснувшее неприятностями.

Наскоро нарисовав солнышко, как рисуют его первоклассники, парочку кривых облачков, я задумалась, чтобы изобразить еще. Горы? Море? Лес?

– Достаточно, – произнес Феникс, глядя на мои караку-

ли и вырывая у меня листок. Он молча сбросил все зелья на пол и направился к двери. Я дернулась за ним, понимая, что клиент не расплатился, а охрана из меня никудышная. На звук бьющегося стекла прибежал Мог. Вцепившись старческой рукой в дверной косяк, разглядев мутные лужи среди осколков, старик мысленно пожалел... но не меня, а то, что поставил за прилавок такого ответственного человека. Я работаю всего часа четыре, поэтому синдром вахтера еще не выработался.

– Жаль, она у вас такая неловкая! – с улыбкой заметил Феникс, глядя, как растекается по полу содержимое флаконов. – Очень жаль. Но меня такое обслуживание не устраивает.

– Ах, ты! – зашелся аптекарь, трясясь от ярости и негодования, глядя на меня. Я вспомнила, как меня недооценили на местной ярмарке вакансий, поэтому тут же спряталась под стол. В стол ударило заклинание. Дверь захлопнулась. Сверху на меня посыпались склянки с разноцветным содержимым.

– Убью, бестолочь! – орал Мог, швыряя в меня заклинание. И тут печать на руке засветилась, и мое тело самостоятельно вылезло из убежища, встало так, что промахнуться трудно, и застыло на месте. И теперь мне светит уже не пособие по безработице, а полноценное пособие по инвалидности. В лучшем случае!

Я попыталась пригнуться, но спина была деревянной. Те-

ло направилось к стенке, стало ровненько, словно для фотографии на паспорт. Есть что-то общее в фотографии на документы и смертью от магии. Вспышка. Губы рефлекторно растянулись в неуместной сардонической улыбке.

Дверь распахнулась, впустив в себя огненную вспышку, и на месте Мога сквознячок развеивал горстку пепла.

– Я тут случайно вспомнил, что путевка на двоих, – услышала я, глядя, как на моей руке исчезает волшебная печать. Пепел на полу засветился, печать на моей ладони погасла навсегда.

Свобода, которая должна была встретить радостно меня у входа, смотрела как-то не радостно. И если бы в руках Свободы был меч, то я бы поостереглась. Я промолчала. На экскурсиях, куда я его сто раз мысленно послала, вполне можно обойтись без экскурсовода.

– Я вообще-то имела в виду тебя и твою обиду, которая будет занимать отдельное место! – осторожно заметила я, пытаясь уловить разницу между воздухом свободы и воздухом рабства.

– Хорошо, значит, ты – ручная кладь, – холодно заметил тот, кто только что жарко и быстро поспорил с хозяином.

– Нет, я – забытый дома фотоаппарат, хранящий лучшие воспоминания о тебе! Ладно, хуже уже не будет, – ответила я, глядя, как горстка пепла просела. – Я на это искренне надеюсь.

Совість превратилась в большую тетку в белом халате,

уселась за стол, достала карточку, посмотрела на меня с укором. «В районе – эпидемия наглости и хамства. Придется укольчик делать! Для профилактики!» – постановила она, доставая огромный шприц. – «Колоть тебя буду!». Я закрыла глаза, понимая, что это – внеплановая вакцинация.

Стоило мне выйти за порог, как по прилавку, по полу и полкам заплясал огонь. Пузырьки, мензурки, флаконы лопались и взрывались, как артиллерийские снаряды. Когда дверь закрылась, я прислушалась. Такое чувство, словно за вывеской «лучшие зелья» начались мафиозные разборки, а в ход пошел последний аргумент.

– Вот зачем было все громить? – с сожалением вздохнула я, вспоминая, сколько стоят все эти пузырьки.

– Чтобы почистить твою биографию и обеспечить конкурентное преимущество в кругу. Рабыня погибла вместе с хозяином, – мрачно бросил Феникс, таща меня за руку. – У меня к тебе есть вопрос. Марка твоего первого телефона?

А-а-а! Он пытается вычислить мой возраст.

– Да я старше, чем линолеум в сельской поликлинике! – ответила я, поражаясь прелестной наивности собеседника. – А к чему такие вопросы?

– Отлично. Примерный возраст я уже вычислил. Совершеннолетняя, – постановил мой обидчивый и злопамятный собеседник.

– А для чего тебе эта информация? – прищурилась я, подозрительно глядя на него и потирая грязный нос.

– Ты будешь сражаться вместо меня, пока я дисквалифицирован. Твоя задача – не дать никому выбиться в лидеры. Этого достаточно. А после того, как я прикрыл все аптеки, у тебя появился шанс. Откроются они не скоро. Зелья, которыми торгуют из-под полы, не самые качественные, – спокойно сообщил Великий Провокатор.

– Послушай! – возмутилась я праведным гневом пацифиста. – Сражаться – это мужское дело! Я, между прочим, за существенную разницу между датой смерти и датой рождения!

– Я предлагаю тебе свою защиту, – теряя остатки терпения, заметил Феникс. Он вздохнул, стараясь не смотреть на меня. – И бонус в виде регулярного...

Я напряглась, прикидывая, что между нами может быть регулярного, кроме нервотрепки.

– ... питания, – закончил он. По его губам чуть не скользнула улыбка.

Меня еще никогда не соблазняли сковородкой и кастрюлей, но, как видите, все в жизни бывает в первый раз.

– А что у меня еще будет регулярным? – осведомилась я, вспоминая, что я – одинокая женщина, которая привыкла готовить исключительно по желудочному велению и собственному хотению. А тут на диване лежит дегустатор-эксплуататор, пока я готовлю, стираю, убираю, снимаю фартук и бегу сражаться в круге. А потом мне в руки суют пустую тарелку со словами: «И что бы ты без меня делала, милая! Я знал, что ты без меня пропадешь!».

– Нервотрепка. Если будешь плохо себя вести, – процедил любитель домашней кухни, мечтая поставить меня у плиты напротив огромной, как моя любовь к готовке, кастрюли. Где-то висят носки и нижнее белье владельца самомнения. Бытовуха, она такая!

Да нет, спасибо. Я уж как-нибудь сама... Я не из тех, что коней на скаку останавливает без полосатого жезла и свистка, залетает в горящую избу, чтобы проверить, выключила ли плиту. Из всего, что мне удавалось тормознуть, я бы выделила такси, отношения и себя.

Разглядеть красоты города мне удалось мельком. Город был отлично освещен. Вокруг него были огромные стены, которые горели яркими огнями. Я присмотрелась к огням наверху, прикидывая, сколько жителей живет здесь. Сами стены представляли собой нагроможденные в хаотичном порядке домишки. В стенах тоже живут люди. Меня втащили в дверь полноценного, по сравнению с моим местным обиталищем, дома, который, как ни странно, не был частью стены.

– Ты у цыганского барона арендуешь жилье? – осведомилась я, глядя на позолоту повсюду. В жилище не было единого стиля, что заставило меня взгрустнуть о просторном минимализме. Все, что было не золотым, было алым и навевало мысли о распродаже всего «красного» в ближайшем мебельном.

– У тебя вообще вкус есть? – осведомилась я, разглядывая золотые вензеля на фоне алого бархата.

– А у тебя есть не только вкус, но и цвет, и запах, – парировал хозяин, закрывая дверь.

Я подошла к огромному зеркалу, посмотрела на себя и вздохнула полной грудью. Домовенок Кузя по сравнению со мной – сама стерильность. Цвет моих волос лишь приблизительно угадывался, все лицо было чумазым, покрытым ссадинами, огромный ожог на предплечье, разбитые колени, грязные босые ноги. Да на фоне меня любая Золушка – принцесса! Мойдодыр, который неизвестно что делал в маминной спальне, должен был пулей вылететь оттуда и запинать меня кривыми и хромыми ногами, а потом задушить полотенцем.

– А теперь я хочу посмотреть на ту, которая стоила мне короны. Давай, вперед! – заметил Феникс, махнув рукой. На диван легли рубашка и полотенце. – Крысу чистой никто не видел, так что отмывайся.

В уютной ванной была... горячая вода. Я недоверчиво посмотрела на два символа над ванной, не увидев ни кранов, ни душевого шланга. Один символ, похожий на печать, был красный, второй был синий. Ну-ка! Я положила руку на красный символ, и из наполненной ванной пошел пар. А если так? Я положила руку на холодный символ. Пар исчез. Я прикоснулась к воде и поняла, что подледная рыбалка никогда не станет моим хобби. Кое-как настроив температуру воды, я обратила внимание на еще два символа, светившихся на стене. Стоило положить руку на один из них, как

ватерлиния тут же стала опускаться. А что, если положить руку на его соседа? Ватерлиния поднялась. Отлично! Красивые флаконы стояли в ряд, не имея ни этикеток, ни других опознавательных знаков. Я попыталась сориентироваться по запаху, но потом решила поэкспериментировать. Если в ванную заползло самое грязное и несчастное чудовище на свете, то через полчаса из ванной, в облаке пара и с блаженством на лице, кутаясь в юбку полотенца и застегивая на себе чужую рубашку, выползло самое счастливое существо в маленькой мире. Я попыталась расчесать волосы, но, видимо, в последний раз они видели расческу на картинке.

– Рыжая? – скептически заметил хозяин, переодевшись в обычную одежду и глядя на мою шевелюру и веснушки. И тут же добавил, чтобы добить мою еще агонизирующую самооценку окончательно. – А нос почему не помыла? Или это не смывается?

В качестве проверки он потер мой нос пальцем, убедившись, что, да, веснушки не смываются. Пока он тер, я смотрела на него тяжелым и задумчивым взглядом хладнокровного убийцы нервных клеток.

– Я просто рыжих не перевариваю, – небрежно заметил Феникс, внимательно отслеживая мою реакцию. – А если еще и с веснушками...

– А ты не ешь, – огрызнулась царевна-лягушка в моем лице, критично осматривая Ивана Царевича и почесываясь стрелой. Нет, ну по нему видно, что мечтал он о молча-

ливой Русалочке, но, как говорится, какой водоем, такой и улов. Ква!

Он стоял и смотрел со странной улыбкой на мое отражение, задумавшись о чем-то своем, пока я мужественно продирала заросли на голове при помощи чужой расчески. Расческа в процессе лишилась половины зубьев, но я не сдавалась, дойдя почти до половины. То, что творилось с концами, не может себе представить ни один производитель шампуня от секущихся кончиков.

– Ножницы есть? – поинтересовалась я, протягивая обожжённую, но чистую руку. – Дай, пожалуйста.

Да, я еще не настолько богатая, чтобы забыть слова «спасибо» и «пожалуйста».

Через десять минут, вспоминая нехорошие слова в алфавитном порядке, я обстригла все, что не удалось расчесать. Нет, ну если один глаз закрыть, другой – прищурить, отойти подальше и повернуться спиной, то смотрится нормально. Если рубашкой с чужого плеча меня обеспечили сразу, то штаны с чужой... хм... мне выдали, чтобы отобрать у меня полотенце.

После примерки, я почувствовала, как меня обнимают.

– Та-а-ак! – занервничала я, выкручиваясь, как уж, дергая плечами.

– Знаешь, – очень нежно и ласково заметил Феникс, прижимая меня к себе. Я посмотрела на отражение в зеркале. В его глазах была вся нежность, которую только может себе

представить женщина. – Пожалуй, на счет рыжих я погорячился... Рыжие девочки иногда бывают очень... очень...

Что-то не то. Где-то подвох! Я отстранялась, чувствуя, как он заводит мои руки за спину. Через секунду я поняла, что они связаны. Ноги тоже оказались связаны.

– Попалась! – обычным и холодным голосом заметил гостеприимный хозяин, открывая огромный шкаф и доставая несколько пузырьков. – Сейчас мы поиграем в больничку. Анестезиолог у нас в отпуске, терапевт заболел, хирург уволился. Так что лечить тебя будет патологоанатом... Шучу. Зелья стопроцентные, поэтому придется потерпеть...

Меня толкнули на диван, откуда я попыталась уползти с четкой установкой, что как-нибудь само заживет.

– Иди сюда, гусеница! Сейчас добрый доктор будет упиваться твоими страданиями! – меня схватили за ногу, пока я отчаянно ползла в сторону подушек.

Меня подтянули к себе, зафиксировав руки. Я простонала, отрицательно трясая головой.

– Итак, вы поступили в ожоговое отделение. Узнаю. Моя работа, – доктор зло вывернул пробку, прижав меня к дивану. Его волосы скользнули по моей щеке.

– Ну что? Ты готова? – заметил Феникс, прижимая меня к дивану, не смотря на мои протесты.

– А, может, – всхлипнула я, пытаюсь выкрутиться. – Может, потихоньку... Остороженько... Не сразу...

– Ты имеешь в виду с десяток сомнительных процедур?

Нет. Если лечить, то сразу. Мы лечим, а не залечиваем! – постановил доктор, закрывая мне рот рукой.

Через секунду я почувствовала дикую боль, от которой на глазах выступили слезы. В последний раз я так плакала, когда клиенты потребовали удалить несущую стену и примеряли зеленые обои в красный горошек по всей оставшейся поверхности стен. Боль прекратилась через несколько мучительных секунд.

– Молодец, – меня по волосам потрепала рука, а потом вытерлась об меня же. – Почти не плакала. Поехали дальше.

«Пока еще не поздно нам сделать остановку! Кондуктор, нажми на тормоза-а-а-а! А!» – пронеслось у меня в голове, когда обрабатывали мои ссадины. Ну это было куда терпимей, чем лечение ожога. Я стоически вздохнула, смахивая ресницами слезы.

Где-то пахло едой. И если это то, что я думаю, то... В глазах отразилась надежда и подозрение. Я внимательно посмотрела на приоткрытую дверь, потом на хозяина. Слюнки бежали наперегонки, но я стоически терпела. Мне было как-то неловко даже за возможность привести себя в порядок.

Через пять минут меня затащили в комнату, где стояло две тарелки. Я подозрительно осмотрелась по сторонам. Содержимое тарелок свидетельствовало, что кто-то готовил, а отсутствие мамочки, жены или служанки наводило на мысль, что готовил...

Я взяла ложку, рассматривая еду. Во взгляде хозяина чи-

талось только одно: «Попробуй, скажи хоть слово, что недосолено, пересолено, недоварено и так далее, я тебя прикончу на месте!».

У меня есть три степени оценки вкусовых качеств потребляемой пищи. Первое. Если еда вкуснее упаковки, то это – отличный вариант. Второе. Если вместе с едой спокойно ешь упаковку и лишь под конец замечаешь конфуз. Третье. Если после дегустации присматриваешься к упаковке, в надежде, что она окажется вкусней.

То, что лежало на моей тарелке, идентификации сходу не поддавалось. Оно было жутко, просто чертовски сдобрено специями, от которых по щеке покатилась скупая слеза. Я украдкой дыхнула в сторону, в надежде, что пламя не вырвется у меня изо рта и не испортит стену. Я смотрела на него слезящимися глазами, глотая ртом воздух, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Хотелось что-то сказать, но я молчала. Нет, не потому, что очень стеснительная, а потому что очень и очень ранимая. И мне бы не хотелось повторить процесс лечения свежих ожогов еще раз. Я чахла над тарелкой, пытаясь проглотить этот термоядерный кусок.

– Что не так? – недружелюбно спросил повар, глядя на мои потуги и слезы на лице.

– Фше... фолофо... Офень... ф...ф...фкуфно... – простонала я, пытаясь проглотить обжигающее и пересоленное содержимое щек. Как только я проглотила, на глаза навернулись слезы, которые должны быть истолкованы, как сле-

зы искренней благодарности. Я положила вилочку на стол, украдкой вытирая слезы. На меня смотрели пристально.

– Ты не голодна? – осведомился автор этого шедевра для тех, кто любит поострей. Если мне и хотелось выразиться, я предпочла выразить молчаливую признательность. Судя по его взгляду, который переходит от тарелки, отодвинутой подальше от соблазна, мои страдания были предусмотрены сценарием.

– Что-то не так? – поинтересовался Феникс, отодвигая свою тарелку.

– Если ты хотел насолить мне, – вздохнула я, глядя на него. – То, считай, что уже насолил. А теперь у меня к тебе нескромный вопрос. Можешь сделать так, как было? Я имею в виду, чтобы меня здесь не было?

– В свете твоих прошлых заслуг звучит заманчиво, – он украдкой попробовал из моей тарелки, а потом молча подсунул свою. – Доедай и становись к стеночке. Утешай себя тем, что перед смертью – покушала. Можешь глазки закрыть. Принеси сразу веник и совок. Тебе придется отсюда выметаться со страшной силой. Тебя такой вариант устроит? Умрешь здесь – умрешь там.

– Нет, не устроит, – я донесла вилку до рта и попробовала. Чуть терпимей. Но все равно перебор. – Я имею в виду, сделать так, чтобы в том мире я была, а здесь меня не было?

– Рыжик, я одиннадцать лет мучаюсь над этим вопросом. Ты сама испортила свое счастье. Не вытолкни ты ме-

ня за пределы круга, подождала хотя бы минут пять, признала поражение – и проснулась бы в своей кровати, думая о том, какой бред тебе приснился, – Феникс сплел пальцы, глядя куда-то в стену. – А теперь я, мало того, что не получил желаемое, так еще и дисквалифицирован. Турнирная таблица двигается. Есть уже несколько лидеров, которые в любой момент получают корону. И можно ждать до бесконечности, когда новый обладатель короны сдохнет, чтобы снова началась битва за власть. Эта корона – ключ от двери с надписью «выход». Ключ от солнца. В тот момент, когда мне удалось бы ее заполучить, я бы вернул миру солнце, а мы с тобой проснулись бы и больше никогда не видели этот город порока. Но видишь, как все повернулось?

– Ну, во – первых, я тогда ничего не знала! – возразила я, понимая, что стрелочки указывают на меня. – А во – вторых, ты поступил по-свински! Кто тебя за язык тянул?

– Хватит! – вспыхнул он. – Доедай и проваливай на свой диван!

Я встала и поплелась в сторону дивана, где не было ни подушки, ни одеяла. Свернувшись калачиком, мне удалось уснуть.

Проснулась я от того, что мой телефон орет на всю громкость. За окном вовсю щебечут птички, гудят машины, а на часах полдень. Скинув одеяло и ежась от зябкого осеннего утра, я бросилась к телефону, который именно в тот самый момент, когда моя рука взяла его, прекратил звонить.

Пятьдесят четыре пропущенных! Мой личный рекорд! Наскоро одеваясь, чистя зубы и пытаюсь накраситься, я собирала ноутбук.

Вылетев пулей из подъезда, я добежала до остановки, где, как назло, не было ни одного автобуса. У меня такое чувство, что уже несколько дней подряд я не сплю. Тело вроде отдыхает, но я чувствую дикую моральную усталость. Что-то подъехало, выгружая пассажиров, а я скользнула вместе с потоком внутрь, прижимаясь к окну на задней площадке. Бесконечный день. Телефон опять зазвонил. Я украдкой смотрела списки пропущенных, чтобы прикинуть, кому перезванивать первым. Звонили «кирпичи», «дизайнерша и инженер». Сначала вместе с одного номера, потом каждый со своего, звонил незнакомый номер с незнакомого оператора, звонил директор, звонила Света, звонил Дима, звонил кто-то, кто записан у меня как «3 поросенка». Не думаю, что они звонили мне все вместе, дабы пожаловаться на проекты домов, но память меня усердно подводила, поэтому вспомнить, кто это, я не могла.

Пока я пыталась понять, как меня угораздило проспять, автобус повернул на кольцо налево. Я занервничала, вспоминая, что не посмотрела номер маршрута. И вот он идет в сторону противоположную от офиса.

– На следующей! – завопила я, нетерпеливо глядя на магазины и пешеходов. Кошелек остался дома, поэтому я выскребла всю мелочь из карманов, прикинув, что добраться

до работы сумею без «подайте на проезд!».

Дорогу я перебежала по принципу кошки, у которой в запасе есть минимум девять попыток. Светофор уже мигал красным, а я неслась по зебре к неудовольствию водителей.

Проверив номер автобуса, я села в него и добралась до работы. Офис был закрыт. Света все еще болеет, а Дима взял отпуск по уходу за девушкой. Трех дней ему вполне хватает.

Открыв дверь, я влетела и бросила ноутбук на стол, чувствуя, что к пятидесяти четырем вызовам прибавилось еще десять. Подключив ноутбук, я поняла, что забыла дома мышку. Пришлось стащить ее у Светы. И это только два дня и две ночи. А что будет, если я так годами буду жить?

Позвонил директор и сказал, что у меня на папке лежит визитка. Мы создаем нормальный сайт. И теперь я всецело должна сотрудничать и способствовать его созданию на волонтерских основаниях.

Света просила распечатать ее проект и отдать заказчикам, а деньги положить в стол. Дима просил сбросить ему на почту проект с «голубой крышей и круглым окном на чердаке». Файл не открывается. Приехали кирпичи вместе со стендом и вопросом «куда?». Стенд был размером в половину стены, шаткий, как мое материальное положение, и грустный, как моя жизнь. Пока я освобождала место, глядя на образцы, товарищи-носильщики откровенно скучали и торопили. Наконец-то мы его впихнули, разбив один кирпич на две части.

Но я – не я, если не засуну его обратно и не скажу, что так и было.

Звонки сменялись посетителями, и уже в четыре часа дня я чувствовала, что мы с чайником закипаем по принципу «кто быстрее!». К шести часам я вяло реагировала на внешние раздражители в виде постоянных СМС и звонков, делая понятные одной мне пометки в блокноте. Пришел какой-то мужик, расписывая, что его братья уже построили дома на оставленном в наследство и поделенном на троих участке. Теперь его очередь. Старший построил каменный дворец в три этажа, средний – деревянный каркасный двухэтажный коттедж, а у нашего героя денег только на картонную коробку. И то не от каждого холодильника, поэтому моя задача изобразить что-то мегапафосное и дешевое, придумать такой проект, от которого все ахнут, а у него останутся деньги на покупку новой машины. Я устало посмотрела на опоздавшего поросенка, которому досталась сиська в задней части свиноматки, сообщила ему, что миссия – невыполнима. Я – не Василиса Премудрая, хотя и знаю, сколько нужно шлакоблоков, чтоб дворец построить в срок. Судя по лицу Феникса, я – царица лягушка. И у меня лучше всего получается махать руками. Так что я махнула рукой на корявые эскизы, отложив их до лучших времен.

Все попытки доработать существующие заказы заканчивались бездумным созерцанием архитектурных элементов. Я уперлась, как баран в новые ворота одного коттеджа, до-

пивая чай, которые стащила из Светиноного стола вместе с ее ложечкой. Стоило мне собраться домой, как тут же прилетели «инженер и дизайнерша», тыкая меня носом в ванную метр на метр.

– Метр! Вот – метр! – психанула я, делая большой шаг. – Что вы на этом метре собираетесь уместить? Объясните мне, пожалуйста! Туда поместится только душевая кабинка или унитаз. На выбор!

Это уже пройденный этап. В проекте, который делала им Света, ванная тоже была метр на метр. И все попытки увеличить ее заканчивались истерикой со стороны «дизайнерши», которая требовала не трогать соседние комнаты.

– А давайте возьмем по чуть-чуть с каждой комнаты? – устало предложила я, делая разметку на бумажке.

– Нет! Увеличьте ее, но не за счет соседних комнат и коридора! – требовал «инженер». Это точно наша вселенная? Сомневаюсь. «Абра-кадабра брысь! Лишние три метра квадратных из ниоткуда появься!». Примерно на это рассчитывают заказчики, глядя на меня.

– Хорошо, я еще подумаю, – вздохнула я, чувствуя, что совсем нос повесила.

Отужинав, чем бог послал, искупавшись тем, что послал бойлер, я послала работу подальше и легла на кровать. Просто полежу. Спать не буду. Точно не буду! Спать...

Очнулась я на мягкой подушке, укутанная одеялом. Меня так сильно ненавидят, что, пока я спала, обеспечили по-

душкой, пахнущей чужим запахом и теплым, очень мягким одеялом.

Глава шестая. Статус Ква!

*Я могу не только в жилетку поплакаться,
но и в руку высморкаться!*

Я протерла глаза и простонала так, что звукорежиссеры обязательно прилепили бы этот звук к любой постельной сцене. Потом я тихо захныкала без слез, понимая, на что меня обрекла судьба. В памяти промелькнули светлые денечки, когда я тихо роптала на скучную жизнь, бегая в порочном круге опостылевшей рутины, чтобы прийти домой и завалиться спать.

– Чего нос повесила? – услышала я голос с интонациями, от которых хотелось повесить не только нос.

– На работе клиенты... – начала я, видя перед глазами огромный барак с мелкими бойницами, но меня тут же оборвали. Феникс сидел в кресле, как на троне, что навело меня на мысль, что эту величественную позу он тренировал перед зеркалом, продумывая свою торжественную коронацию.

– Как тебя зовут? – спросил, перебивая мои попытки пожаловаться, Феникс, глядя, как я складываю одеяло и рассматриваю на подушке длинный волнистый золотистый волос. Проводить генетическую экспертизу было бессмысленно. Достаточно просто посмотреть в сторону кресла. Волос либо сам принял решение покинуть голову, в которой

неизвестно что творится, либо кто-то рвал волосы от обиды на вселенскую несправедливость. А вот и его золотистый собрат-беженец, который нашел на подушке политическое убежище.

– Леся, – ответила я, пряча одеяло под подушку.

– Так вот, Леся! Давай договоримся. Мы сохраняем статус кво. Мне все равно, кто у тебя на работе, в постели и в жизни. Мне по тангенсу, кто у тебя и в какой очередности сдох в твоих заботливых руках в глубоком детстве. Мне фиолетово на твоих подружек, друзей, родных и коллег, даже если они являются всадниками апокалипсиса и хорошими людьми по совместительству. Мне наплевать, что у тебя было на ужин, какое платье и сумку ты себе урвала на распродаже в местном торговом центре. Мне глубоко начхать на то, строится ли за тобой очередь из мужиков, или ты коротаешь вечера, пылесосая кошачью шерсть. Мне все равно, есть ли у тебя дети, их численность и отчества. Мне абсолютно не интересно, сколько раз ты примеряла свадебное платье, и кто из женихов оказался большим козлом, а кто меньшим. Договорились? – спросил Феникс, убирая волосы назад и протягивая мне руку.

– А мне плевать, как тебя зовут! Сколько у тебя было жен, сколько раз и с каким успехом ты был отцом. Мне сморкаться на твои и в твои извещения об алиментах и зарплатную ведомость. Мне фиолетово, какую девочку видел недавно на улице, какие у нее «буфера» и «мордашка». Мне

по тангенсу, в каком баре ты пропиваешь зарплату, есть ли у тебя машина и как часто она ломается. Мне параллельно, на каком конце галактики ты обитаешь, сколько у тебя братьев и сестер, или ты – единственный кукушонок в семье. Мне плевать на проблемы Коляна, Толяна, Сереги и остальных бесспорно интересных личностей, с которыми ты иногда бухаешь по пятницам, описывая им тяготы своей жизни. Мне все равно, сколько ты зарабатываешь, сколько кредитов на тебе висит, и на какого дядю и с каким успехом горбатишься. Мне откровенно пофигу, сколько стекол ты разбил в дремучем детстве, сколько косичек оторвал, кого ты любил в пятом классе и сколько у тебя в четверти по химии, – тем же голосом ответила я, гордо протягивая ему руку в ответ. Но, если честно, мне было неприятно. Почему-то мне казалось, что ему будет интересно узнать обо мне как можно больше, а я бы с удовольствием узнала о нем. Но если так, то

Мы гордо пожали друг другу руки, как враги, заключившие временное перемирие.

На столе в соседней комнате стояли две тарелки. Я опасно поднесла ложку ко рту и осторожно попробовала. Уже лучше... Есть можно. Господи, у кого-то есть мужик, который умеет готовить! А потом усмехнулась про себя, что с таким характером ему нужно было как-то обеспечивать себе конкурентное преимущество не только за счет внешности. Так всегда бывает. Для кого-то влюбленный принц на бе-

лой лошадке, а для кого-то – воспаленный прыщ, противный и гадкий.

– Итак, что ты решила? Будем ждать, когда корону завоюет кто-то другой? Ты сегодня как? На работу успела? Ой, прости, чуть не нарушил правило, – ядовито заметил Феникс, скрывая нехорошую улыбку. – Я бы на твоём месте давно уже зарегистрировался на сайте вакансий и подыскивал работу, где требуется вечно опаздывающий сотрудник, с лицом мятым и взглядом блуждающим. Только в анкете укажи, что ты – целеустремленная, если дело касается туалета, коммуникабельная, с удовольствием часами консультируешь родственников и друзей в рабочее время на личные темы, амбициозная, когда речь идет о зарплате, и быстро учишься на своих многочисленных ошибках.

Ударил, так сказать, по больному. Смотрю, он умеет находить слабые места, чтобы размахнуться и ударить в них в самый неподходящий момент. Стоило обмолвиться о «работе», как тут же оп! Прилетело!

– Я не стану переписывать твоё резюме. Это – нарушение авторских прав, – кротко и коротко заметила я.

– А теперь бери унылую перспективу, растягивай её на долгие годы, добавляй ностальгию по тем временам, когда тебе снились сны о прекрасном принце, перемешивай с усталостью, которая перейдет в хроническую стадию через месяц-два. Главное – постоянно думай о том, что смерть во сне или наяву – смерть везде. Не смотри на меня так. Ты ду-

маешь, что мы с тобой тут первооткрыватели? Уверяю, что нет. Я лично знал несколько человек. Один из них работал строителем – шабашником, вечно пилимый женой из-за отсутствия денег. Очнулся в Круге, продержался девять месяцев. В один прекрасный день его нашли мертвым здесь. Зная фамилию, имя, отчество, возраст и город, я без труда нашел его страницу в соцсетях с соболезнованиями от близких и свечками. Жена убивалась больше всех. Сорвался с крыши во время работы. Сразу и насмерть. Усталость. Невнимательность. Одна женщина, образцовая мать двоих детей, любящая и верная жена очнулась здесь случайно, в тот момент, когда ее пытался убить заклинанием ее любовник. Два месяца и неделя. Убил уже другой любовник. Отравил, чтобы завладеть имуществом. И снова свечки-ленточки на страничке. Умерла во сне. А какие оргии она здесь устраивала! Кстати, это – ее бывший дом. Любовнику пришлось быстро выметаться отсюда. Но есть у меня подозрение, что он не до конца вымелся. Забился под плинтус.

Повисла тишина. Я чувствовала, что мне нехорошо. До этого момента это было что-то сродни компьютерной игре, где у меня в запасе есть жизни и зелья, а после этих слов, разумеется, если они правдивы, до меня начало доходить, что это – уже не игра. В животе заворочался еж. Какая-то странная противная слабость накатила на меня, заставив вглядываться в золотой орнамент на стенах. Золото плыло перед глазами, пока меня тошнило от его блеска.

– Слушай, я пойду, наверное. Спасибо тебе за все... Я попробую здесь найти работу... Лучше я буду потихоньку что-то делать... эм... склянки переставлять, книжки протирать и так далее, чем сражаться в кругу, – тихо произнесла я, обдумывая перспективы трудоустройства. – Думаю, что работа для меня найдется. Пусть мир и маленький, но он явно не без добрых людей!

– Примеры добрых людей? – заинтересовался Феникс, положив локти на стол. – Мне тоже очень хочется с ними познакомиться! Я очень хочу знать, кто дал тебе мешочек денег на первое время и позаботился о том, что у тебя во время поединка было зелье защиты от огня в красивом флаконе с цепочкой? Интересно, кто же это был? Как ты думаешь? А я знаю. Это – очень скромный герой, который пожелал бы и дальше остаться неизвестным, не зайдя разговор о «добрых людях».

Я посмотрела на него, понимая, что мне нужно задуматься о карьере детектива.

– Хорошо, Рыжик. Уговорила, – серьезно заметил он, разглядывая коготь и выпуская лезвие. – Давай выберем тебе работу вместе!

Я залезла с ногами на стол, понимая, что в этом мире мне не светит даже солнце. Феникс театрально призадумался.

– Вас приветствует центр занятости Кадингера. Итак, как на счет продавщицы? Для этого тебе нужно знать два способа оплаты. Нал и безнал. Нал – это когда тебе на прила-

вок высыпают деньги, а безнал... – улыбнулся он, показывая огонь к руке. – Встань к стеночке. Прорепетируем оплату по безналу.

Никуда я вставать не собиралась, поэтому огонь сорвался с его руки и врезался в стену, оставляя черную отметину на роскошных обоях.

– А еще я бы хотел... – Феникс улыбался, снова зажигая пламя в руке и поднося его ко мне. – Оставить отзыв о зелье, которое вы мне продали вчера. И отзыв об артефакте...

Пламя снова мелькнуло возле моего лица. Я смотрела на него как зачарованная.

– ...который вы мне продали месяц назад. Я почему-то решил использовать его в сегодняшнем поединке... – задушевно продолжал он, пока я смотрела на языки пламени и отблеск золотых колец. – И вместо десяти секунд защиты, он почему-то сработал на три... Примите мое искреннее недовольство! И мебель у вас никудышная. И посуда у вас отвратительная!

Рядом на обоях появился второй черный круг.

– Нет! Я не буду продавщицей! – отрицательно покачала головой, сопоставляя полученный опыт и дырки на обоях, представляя, как в этот момент хозяин лавочки прячется в подсобке.

– Тогда мы можем вам предложить вакансию юриста, – усмехнулся Феникс. – Юрист – это очень интересная профессия. Особенно в Кадингере. Но перед этим я должен под-

готовить тебя как следует. Тебе предстоит выучить законы. Итак. Закон первый. Убил, выжил – молодец! Закон второй. Украл, выжил – молодец! Закон третий. Изнасиловал, выжил – молодец! Закон четвертый. Обманул, выжил... Ну, Рыжик, продолжай!

– Молодец, – мрачно заметила я. Его рука потрепала меня по волосам.

– Ничего себе! Сдала экзамен с первого раза! Еще никому не удавалось! – саркастично заметил он. Через пару секунд мне дали в руки свернутую бумажку. Феникс закусил губу, подавляя улыбку, сделал серьезное лицо и положил руки мне на плечи.

– Дорогой выпускник юридической Академии Кадингера, – с расстановкой и издевкой произнес он. – Вот и подошло к концу наше долгое обучение. Эти две минуты пролетели незаметно... Мы долго продирались сквозь законодательные дебри, постигали азы законотворчества... Теперь, когда в твоих руках диплом...

Он посмотрел на меня, содрал тесемку от шторки.

– ...красный диплом, все дороги перед тобой открыты. Выбирай любую, дорогая выпускница. И выучи эти дороги, потому что посылать тебя по ним будут часто! – закончил напутственное слово представитель импровизированной альма-матер. – Я даже дам денег на то, чтобы ты открыла свой юридический кабинет. Думаю, что от клиентов у тебя отбоя не будет! Будешь отбиваться, как умеешь.

Я посмотрела на красную тесемку и бумажку в руке, а потом попыталась методом исключения вычислить предположительную профессию нового знакомого. Юрист?

– Как же так, Рыжик? Не хочешь быть юристом? – воротничок на моей рубашке расправили. – Видишь, у тебя даже рубашечка есть. А за пеньковым галстуком не постоит. А как на счет духовной карьеры? Что тебе ближе? Алчность? Червоугодие? Тщеславие? Похоть? Гнев? Уныние? Зависть? Лень? Вот, собственно, весь местный пантеон. Только храмов нет. Службы проходят на дому.

– А еще варианты? – тоскливо заметила я, со вздохом глядя на красный шнурок. Отличилась, молодец.

– Есть еще один вариант трудоустройства. Единственное место, где полное отсутствие опыта ценится так же, как его наличие. Зарплату платят за красивые глаза. Единственная отрасль, где актуален девиз «дай дорогу молодым». Так что диплом тебе не пригодится, – у меня из рук вырвали бумажку и бросили на стол.

– И какое? – мрачно поинтересовалась я. В последний раз я так мрачнела, когда читала газету городских вакансий, где требуются «правые руки» руководителей. Что конкретно будут делать эти «правые руки» никто вразумительно ответить не мог, но, судя по зарплате, что-то очень нехорошее. Но, как говорится, если работодатель предлагает тебе работать, закатав рукава, значит, работа предстоит грязная.

– Есть вероятность карьерного роста. Результаты зависят

от коммуникабельности и трудолюбия. Зарплата – высокая. Не работа, а сплошное удовольствие! – меня приблизили к себе, но я активно сопротивлялась. – Не обольщайся. Лично в моем рейтинге ты уже переплюнула и оставила далеко позади черную кошку, пятницу тринадцатое и рассыпанную соль. Поэтому тьфу на тебя... Три раза...

– Полный соцпакет тебе на голову! – возмутилась я, вспоминая символическое «тьфу!», сопровождаемое тихо усмешкой. – Я тебе сейчас по голове три раза постучу!

– Не хочу тебя разочаровывать, но мне кажется, – спокойно заметил Феникс, улыбаясь, – что ты не подойдешь... Для такой легкой работы в сфере услуг у тебя слишком тяжелый характер. Тем более, что в случае выбора данной вакансии у тебя будут большие неприятности. И виной всему будет...

– Совесть? – скептически поинтересовалась я, понимая, о какой работе идет речь.

– Нет, не совесть. Я, – палец скользнул по моему носу, вызывая у меня желание отгрызть руку по плечо.

«Бдзень!» – сделал палец на самом кончике моего носа после увлекательного спуска.

Да... И из всего произошедшего со мной за четыре года неустанной работы, сон, пожалуй, был единственным отпуском. Именно во сне я наслаждалась морским прибоем, летала над городом, спасалась от чудовищ, штурмовала бесконечные высоты, общалась с очень интересными и многогранными личностями, по сравнению с которыми пациенты, со-

стоящие на принудительном лечении в местном психиатрически-оздоровительном комплексе, показались бы очень логичными и приятными собеседниками. Именно во сне у меня была личная жизнь, когда прекрасные принцы бережно поднимали с пола, обдували и отряхивали мою самооценку, целуя не только ее, но и меня. А иногда дело поцелуями не ограничивалось. В моих снах с часу ночи до семи тридцати сбывались самые сокровенные желания, осуществлялись самые интересные мечты. Я пела в опере, танцевала на невидимой сцене, купалась в золоте, жала руку президентам. Были и кошмары, но наступало утро, и я понимала, что сон растаял с первыми лучами рассвета. И нет никаких чудовищ, нет никакой погони. Есть только лучик света, пронзающий штору, кружка чая с лимоном и брелочек на ключах в виде маленького зайчика, приносящего мне удачу.

– Ладно, я согласна, – ответила я. Да что ж такое-то! Ну зачем же так делать! Не нравится нос – убери руки подальше и не смотри на него! Развел, понимаешь ли, «Диснейленд»!

Палец, вопреки моим протестам, еще раз скатился с горки, вызывая у меня бурю возмущений.

– Отлично. Если будешь слушать меня – риск с твоей стороны будет минимальным. Поверь мне, магия решает не все. Мы с тобой продумаем все детали, запасные планы, варианты и так далее. И будем откровенно жульничать. Держи, Рыжик, – усмехнулся Феникс, снимая кольцо – коготь со своей руки и протягивая его мне.

Нет. Это шутка? Я не... Нет, нет и еще раз нет!

– Дает бонус к привлекательности, – заметил Феникс, – в моих глазах. Небольшой, правда, но все же... Оп! И я уже не замечаю твоих веснушек.

Кольцо – коготь было надето мне на палец, пока я, будучи знатоком местного законодательства, прикидывала, как стать «молодцом!».

– Чтобы к тебе не протягивали руки. Скажи мне, Рыжик, ты когда-нибудь убивала что-нибудь, кроме времени с восьми до шести? «Ой, какая гадость!» и «уберите это насекомое от меня!» не в счет. Мне просто интересно, способна ли ты убить человека? – спросил «даритель», показывая, как выставляется лезвие.

Палец опять решил подразнить мой нос, скользнув по его изгибу. Я отреагировала мгновенно, выставив лезвие и приблизив его к шее бывшего владельца.

– Какая прелесть! – улыбнулся Феникс, глядя на бывшее оружие. – Мне даже хочется убрать палец от греха подальше... Видишь, какая волшебная штука?

Было у меня подозрение, что он – ветеринар. И общение с животными отложило отпечаток на его психику. Теперь он постоянно проверяет состояние моего здоровья! Хотя, не факт. Он просто издевается надо мной, вот и все. Да что ты будешь делать! Опять!!!

– А теперь будем придумывать твой новый имидж. И я, кажется, знаю какой, – усмехнулся Феникс, убирая руку с мо-

его носа. – Правда, я уверен, что тебе он не понравится, но публика должна его оценить.

Он встал и ушел в комнату, пока я смотрела на кольцо, выставляя лезвие и заправляя его обратно. Теперь попробуйте ко мне притронуться! Я вооружена и очень прекрасна. Что бы мне ни говорили! Ну, мне так кажется.

– Меряй! – на меня упало платье. А я-то думала, что мне синтетический костюм супергероя принесут и обязуют носить его круглосуточно, до приобретения сверхспособностей. Чтобы весь мир знал, чем пахнет добро. Вы чувствуете едкий запах пота? Где-то повеяло носками-ветеранами? Запах усиливается? Это добро спешит на выручку! И пусть зло задыхается, и не только от злобы. «В бой идут одни старики!» – гордо заявляло мне одно чудо, выбирая из ассортимента ношенных носков, которые нельзя стирать ни в коем случае, самые матерые и опытные.

Я принялась, бросая взгляд на золотые волосы. И контрольный. Нет, носками тут и не пахнет.

Если что, я – Пофигмен! Собаки заминировали песочницу? Бабки взяли в заложники скамейку? Дети совершили ограбление века, украв две газеты из почтового ящика? Бомж, который иногда наведывается в подъезд, терроризирует все обонятельные рецепторы жильцов? Чистюля хлопает ковровую дорожку на головы прохожим? Я молча прохожу мимо несправедливости, внутренне осуждая и негодуя, сохраняя при этом хладнокровие суперагента, заброшенно-

го и забытого во вражеском тылу! Я такой же – Пофигмен, как и многие! Вместе мы – сила! Нас ничем не проймешь! Нас рать!

Платье налезло и даже сошлось. Там, где заканчивалось декольте – начинался разрез. Я поняла, что в таком виде можно только стоять на обочине, провожая взглядом автомобили, а потом озвучивать прайс тем, кто решил притормозить. Такое платье отлично заменяет запись в трудовой книжке и резюме. В таком наряде нужно приходиться на собеседования, чтобы все сразу видели, что ты претендуешь на должность «правой руки директора».

– Ты прикалываешься? – опешила я, глядя на свое отражение в зеркале и покраснев от смущения.

– Я абсолютно серьезен, Рыжик, – услышала я голос, чувствуя, как горят мои уши. – В таких нарядах ты будешь сражаться.

– За что... – я сглотнула и попыталась стянуть декольте на груди. – За что сражаться? За остатки репутации?

– Послушай меня внимательно. Понравишься публике – считай, что убить тебя никто не осмелится. Сегодня убьешь ты против воли публики, завтра убьют тебя. И зрители на этом настоят. Так что больше всего на свете публика не любит разочаровываться. И мы ее не разочаруем. Осталось навешать на тебя украшений, и вперед, – усмехнулся Феникс. Хотелось верить в то, что он смотрит на платье, а не на то, что символически прикрыто под ним.

– Нет! Я в таком на улицу не выйду! – возмутилась я, пытаясь стянуть разрез на ноге.

– Боишься простудиться? – осведомился мой «имиджмейкер». – Рыжик, в этом конкурсе красоты фраза «я за мир во всем мире» – неправильный ответ. Правильный – «я за мир, который лежит у моих ног!». А чтобы к тебе не протягивали руки – есть я. Вне круга на тебя мало кто рискнет посягнуть. Так что считай это – сценическим образом, который дает тебе очень много интересных преимуществ и возможностей. Женщин, которые сражаются, мало. В основном они сражаются не ради короны, а ради заработка, болтаясь в самом конце турнирной таблицы. Так что ты будешь выигрышно выделяться среди крокодилов, которых можно выводить на улицу только в вечернее время суток и в наморднике.

– В канализацию такую самодеятельность и тебя, как продюсера восходящей звезды разврата! – фыркнула я, наморщив нос.

– За такие слова мне очень хочется тебя убить, но глядя на это платье я резко передумываю, – подбодрил меня Феникс. – Когда мужчина смотрит на девушку в таком платье, ему так и хочется подойти к ней и поинтересоваться: «тепло ли тебе, девица?». А потом предпринять все возможные попытки отогреть бедняжку. Начиная от алкоголя, заканчивая одеялом. Но если ты хочешь быть убитой в первом же поединке, то пожалуйста! Надевай обноски, делай целомудренное лицо, выкрикни пару пафосных лозунгов: «Пусть всегда

будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда буду я!».

Я молчала, недовольно осматривая себя, скривившись так, словно съела лимон целиком.

– А если меня в таком виде увидят дети? – заметила я, ужасаясь непоправимому урону, который нанесу неокрепшей детской психике. – Это же непедагогично!

– Непедагогично собирать деньги всем классом на новые шторы, при условии, что старые еще не до конца съела моль! Вот это непедагогично! – я почувствовала, что терпение – это не основная добродетель моего нового знакомого.

Что-то меня неприятно кольнуло, а в душе что-то неприятно заволновалось. Осведомленность в таких вопросах свидетельствует, что у него есть ребенок. Я вспомнила поцелуй и скривилась еще сильнее. Мне почему-то стало стыдно и неловко. Я вспомнила, как Света недавно нудила, бегая за директором хвостиком, требуя аванс, чтобы сдать деньги в детский сад на нужды группы. Услышав сумму, большая часть родителей тут же сходили по нужде. «Уважаемые соседи, у нас – нужда! Займите до получки! Ребенку в садик надо сдавать деньги». Мы с Димой не смогли промолчать, когда узнали, насколько большая нужда постигла детский сад «Соринка»... тьфу ты... «Росинка» в это сложное и крайне тяжелое время.

– Ты прав, – спокойно заметила я, изучая его реакцию. – Непедагогично— это когда в детский сад сдают по три тысячи за каждого ребенка.

Меня о чем-то хотели спросить? А что такое? Сам придумал это правило.

– А если детей трое... – деловым голосом продолжала я, примеряя на себя образ примерной «яжематери», – то это половина зарплаты уходит!

Я вспомнила Свету и протерла липовый орден матери-героини. С такими расценками даже у Рокфеллера начинался приступ асфиксии.

– С имиджем мы определились. Ночная бабочка, – усмехнулся Феникс, переводя тему. Что-то он задумался и задумал. Мы посмотрели друг на друга взглядами примерных семьянинов.

– Ты хоть раз видел, что ночью слетается к фонарю, чтобы сдохнуть в его недрах? – поморщилась я от такого сравнения.

– Тебе никто не говорил, что ты – тяжелый человек? – поинтересовался он, вздыхая.

– Только те, кто в силу своей доходяжности не смог меня поднять! – огрызнулась я. – Хорошо. Пусть будет по-твоему. Тебе видней. Но если меня убьют, то это будет на твоей совести!

– К ней в последнее время мало что прилипает. А теперь обувайся, и на выход. Будем знакомить публику с твоим платьем. И с тобой, за компанию.

Когда мы вышли на улицу, все встречное мужское население смотрело на меня так, словно потеряло бумажник в мо-

ем декольте, и теперь не знает, как его оттуда извлечь. Присутствие телохранителя немного поумерило их пыл.

В кругу шла отчаянная схватка. Какой-то престарелый бородатый мужик против молодого парня. Оценить навскидку шансы было сложно, но если критерием победы являлась обгоревшая борода старца, то опыт и мудрость проигрывали молодости и наглости со значительным отрывом. Отрывом... руки... Мама! Я тут же почувствовала, как в животе зашевелился перепуганный ежик.

– Тише, успокойся. С тобой так никто не поступит, – заметил Феникс, придерживая меня за локоть, пока трибуны наперебой давали советы, как лучше завершить поединок. И, поверьте, малой кровью там и не пахло. – Дедка давно ненавидят за то, что он прикончил одного чудака, которого публика решила пощадить. Был один убогий клоун, который сильно забавлял публику своими идиотскими комментариями. Люди ему симпатизировали. Убивать его не позволяли. А тут не выдержали старые нервишки, и клоун быстро развеялся.

Я смотрела словно зачарованная на происходящее, глядя, как огненная вспышка ударилась в черный столб.

– Все, спасибо. Я посмотрела. Очень увлекательно и занимательно. Честно, я уж лучше освою какую-нибудь мирную профессию, – икнула я, не видя происходящего за стеной огня.

– Все, что отпадет, мы обязательно пришьем на место, –

подбодрили меня, прижав к себе и тут же отпустив. Я стояла и стыла, чувствуя, как у меня шевелятся от ужаса волосы.

Пока зубы отбивали ритм «я – не трус, но я боюсь!», ноги приросли к земле, категорически отказываясь делать шаг навстречу смерти. Чувствую, что одно неверное движение, и... все. Через два месяца, поскольку я заплатила наперед, меня обнаружат в своей кровати, успешно косплеящую Нефертити. Любопытные соседи выстроятся в очередь, чтобы одним глазком взглянуть на мои останки. Политически активные товарищи поймут, что в мавзолее ехать уже не надо. Бабушки передумают отправляться в религиозное турне, а те, кто мечтал об отдыхе в Египте, выберут что-нибудь из отечественных курортов.

– А как же путевка на двоих? – осведомился Великий Комбинатор, глядя на мое замешательство.

– На тот свет? – подавилась я, пытаясь рассмотреть происходящее. Поединок закончился. Зрители все еще обсуждали увиденное. И симпатии были явно не на стороне старости.

– Ну что ж! – раздался громкий голос. – Вы все сами видели! Отличный бой! Это должно было произойти! Аншар побежден и больше никогда не переступит Круг. Нергаль снова показал себя на высоте! Итак, есть ли желающие бросить вызов судьбе? Если вы понравитесь публике, то она будет носить вас на руках и осыпать золотом! Ну же! Где же смельчаки?

Толпа все еще скандировала имя победителя, постепенно

успокаиваясь. Смельчаки? Это точно не ко мне! Я не...

– Куда ты меня тащишь? – возмутилась я, раскорячившись несчастной кошкой, которую решили внеурочно испугать. – Отпусти! Я не...

– Неужели никто не решится? – подначивал голос. – Неужели не осталось мужчин, готовых сражаться и доказать всем...

Феникс втолкнул меня в круг, и нас разделила стена огня. Толпа зашуршала, заинтересовалась. Надо что-то говорить... Я растерялась...

– Да, кстати... – тихо начала я, а потом прокашлялась. – Вы что-то говорили он настоящих мужчинах? Я тоже хочу на них посмотреть.

Толпа загудела, заволновалась.

– А что ты умеешь? – спросил голос.

– Все! – ответила я, входя в роль, чувствуя, как толпа начинает меня подбадривать. – Или вы имеете в виду магию?

Шутку народ оценил бурными овациями. Я еще немного осмелела.

– А ты не боишься, что твое симпатичное личико изувечат? – выкрикнул кто-то из толпы.

– Я больше боюсь испачкать платье! – ответила я. Со дна души поднималось странное чувство уверенности. Толпа одобрительно зашумела.

– Расскажите о себе! – поинтересовался голос.

Я сделала глубокий вдох и выдох. Перед глазами возникли

женские анкеты с сайта знакомств, которые я просматривала в качестве образца.

– Я – девушка прямолинейная. Откройте свои кошельки, посмотрите внимательно. Если там дырка, то пусть она, а не я, утешает вас долгими одинокими вечерами, – я украдкой сглотнула, чувствуя, как толпа притихла. Я вспомнила даму – автора с тройным подбородком, отросшей черной шевелюрой и поджатыми губами, обильно, но криво намазанными алой помадой. Именно с этих заманчивых слов началась ее обильное повествование о себе. Дополняла красоту, запечатленную самолично владелицей на фоне пожелтевшего от постоянных вливаний унитаза, толстая дряблая рука, сжимающая камеру.

– Если единственное, чем вы можете накормить девушку – обещания, то ешьте их сами. Я не настолько слежу за своей фигурой, чтобы питаться одними иллюзиями! – я вспомнила анкету одной мадам, которая по праву могла занять первое, второе и сразу третье место на любом пьедестале. Она смотрела с фотографии красноречивым взглядом: «Все олигархи пока заняты, но и ты сойдешь!». Кушала она так, словно поставила себе цель вытеснить всех других женщин и максимально расширить свои охотничьи угодья.

– Если вас интересует чистая и горячая любовь, то это, увы, не ко мне. Я могу дать вам только грязный и холодный расчет! – слово в слово повторила я анкету одной самоуверенной и дерзкой красавицы предпенсионного возраста.

та с огромными щедро сдобренными блеском губищами, занявшими половину фотографии. На ней была шуба на голое тело, в которую она кокетливо куталась. Дополняли общую картину красный сапог на высокой шпильке, непонятно для чего задранный в фокус камеры, и поникший фикус на фоне разбросанной постели и пыльного ковра.

Ничего себе, как меня понесло... А все притихли, слушают...

– Меня трудно найти, легко потерять и сложно... забыть, – усмехнулась я, вспоминая фразу, с которой начиналась большая половина всех женских представлений. – У меня – золотое сердце. И единственное, что его радует – золото!

И тут что-то звякнуло недалеко от меня. Я присмотрелась и увидела, как по земле катится монетка. Я наклонилась, вызывая явный интерес публики, а потом демонстративно опустила монетку в декольте. Через секунду в мою сторону полетели деньги. Собрав полное декольте золота, я послала публике воздушный поцелуй.

– Так что, настоящие мужчины, жду ваших приглашений на свидания, которые начнутся здесь, а где закончатся... хм...! – кокетливо заметила я, виляя бедрами. Я подняла еще одну монетку, сделала вид, что целую ее, а потом сунула ее в свой «кошелек». – На эти деньги я куплю себе новое платье. И обязательно покажу его вам, при первом же удобном случае... А пока что это – сюрприз!

– Как же зовут тебя, девушка с золотым сердцем? – поин-

тересовался голос.

– Меня не зовут. Я прихожу и ухожу, когда мне вздумается. Прямо как кошка, – усмехнулась я, вспоминая анкеты разновозрастных кис разной степени лохматости и побитости жизнью. Надо мной застыла внушительная турнирная таблица. И внезапно в самом низу появилось: «Кошка».

Так! Стоп! Эм... А... Если бы я знала, то придумала бы себе что-нибудь поинтересней...

– Я не люблю быть снизу, – обиженно заметила я, глядя на таблицу. Ничего себе! Феникс был в лидерах... Да что там в лидерах! А теперь напротив него стоит пометка «дисквалификация».

Толпа развлекалась, свистя и всячески выражая свой восторг от моей шутки.

Я, звеня своим заработком, двинулась в сторону. И тут передо мной упал шар. Точно такой же, как я когда-то держала в руках. Я наклонилась, придерживая грудь, которая очень выросла на инвестициях, подняла шар, помахала рукой и двинулась в сторону огня. Пламя расступилось передо мной, пока толпа пребывала в двусмысленном восторге.

Меня колотило, уши полыхали, совесть ставила мне со-тый укол, а я сидела на диване, завернувшись в одеяло и набросив его на себя. Оставалась маленькая щелка, в которую проникал свежий воздух, который не давал мне задохнуться от стыда. На столе лежало все, что мне удалось выгрести

из декольте.

– Эй, мешочек с комплексами, я вывожу свои скромные активы, – заметил Феникс, подбрасывая одну монету в воздух.

Я сидела, спрятавшись от всего мира, вспоминая, какую чепуху городила, как вызывающе и вульгарно себя вела. Сломанная лопата, предназначенная для самокопания, была отброшена в сторону. Теперь там работала профессиональная спецтехника!

– Кушать будешь, самокопательница? – поинтересовался голос надо мной. Я пробурчала что-то невразумительное. – Ну хоть нос высунь из своего убежища, а то я по нему уже соскучился...

– Я и правда несла какую-то чушь? – спросила я, осторожно расширяя дыхательное отверстие.

– Как бы тебе так сказать? Сойдет! Главное – результат, – заметил Феникс, продавливая диван рядом. Я всей своей палаткой переехала в сторону. Платье валялось на полу, вызывая у меня угрызения совести и мучительный стыд.

– Прости, пожалуйста, за то, что вытолкнула тебя из круга, – простонала я, добравшись до пласта воспоминаний о том, с чего все началось. – Я больше так не буду.

– Прости, пожалуйста, за то, что я тебя поцеловал, – передразнили меня.

Я ждала продолжения. Но его не было.

Глава седьмая.

Победителей не будят!

Сегодня я – левый, а завтра – правый,

Мир жесток.

Мне это не по нраву!

Носок.

Я свернулась клубочком на диване, сопя в чужую подушку. Отвернувшись к спинке, поджав по себя ноги и накрывшись одеялом с головой, я лежала и переваривала все произошедшее. Несварение впечатлений вызывало у меня словесную диарею, которую я мужественно пыталась побороть. Внутренняя лаборатория занималась жестокими экспериментами над мухой дрозофилой. Ученые всего мира с замиранием сердца следили за чудовищной эволюцией безобидной мушки. Скоро муха обзаведется попоной, хоботом и украсит собой упаковку цейлонского чая! Мне очень хотелось схватить первое попавшееся тело, зафиксировать его как следует, а потом с азартом ребенка, которому доверили украшать новогоднюю елку, сидеть и развешивать по жертве сопли, требуя, чтобы меня похлопали по плечу, сказали: «пустяки, дело-то – житейское», – а под конец сообщили: «да нормально все! Никто ничего не заметил!». Но я буду возра-

жать, сопротивляться, приводя все новые и новые аргументы. И так будет продолжаться до тех пор, пока не защищу диссертацию на тему «Взаимосвязь моего позора и грядущего апокалипсиса». И несчастному слушателю сразу же захочется послать меня на... какой-нибудь симпозиум научных светил.

– Можешь покинуть свою пещеру страданий и обитель скорби? Или хотя бы приоткрыть вход в ее мрачные недра? – поинтересовался голос. Сомневаюсь, что он решил сдать мне в аренду свою жилетку и предоставить в лизинг свои уши и мозги.

Я повернулась на другой бок, чувствуя, как диван скрипнул под чужим весом, и мне пришлось компактно сдвинуться.

– Я уже соскучился по моей горке. По тебе – нет, а по горке – да, – чужая рука расширила дыхательное отверстие моей умиральной ямы.

– Аттракцион закрыт в связи с участвовавшими несчастными случаями! – фыркнула я, сморщив гордость персонального «Диснейленда».

– А в комнату страха можно? – осведомился самый преданный фанат, приводя меня в замешательство. Я перебрала все возможные достопримечательности, как условно открытые для экскурсий, так и закрытые, прикидывая, что удостоилось такого названия.

– И пока Рыжик думает над тем, где у нее находится ком-

ната страха, и поливает из леечки свои комплексы, она может одобрить вызов, – перед моим носом оказался шар.

– Давай, – мою руку вытащили из-под одеяла и одобрили вызов. – Поединок будет завтра. В двенадцать. Так что ложись спать пораньше.

– Так! – возмутилась я, понимая, что волчок-каннибал, который просто обязан укусить меня сначала за правый, потом за левый бочок, дабы приблизить мою фигуру к совершенству, почему-то засмутился и сообщил, что если придет, то нескоро. – Ты хочешь сказать, что мы теперь будем всю ночь тренироваться?

– Нет, моя заочница, я тебе и так зачет поставлю! – сообщил «почетный тренер». Я знаю, что ты ходила на все лекции, на все семинары, участвовала в субботнике от кафедры, поэтому носи зачетку.

Он, случайно, не преподаватель? Я представила: сидит унылая группа, которая в силу очень серьезной специальности – «Болтология и ерундистика», состоит из прекрасного и очень одинокого пола. Дверь открывается, а на пороге стоит это золотоволосое существо, глядя на всех сквозь оправу аккуратных очков, оценивая умственный потенциал каждой женской особи. И пока он оценивает сначала правое полушарие, потом левое, каждая из них мысленно клянется ходить на все лекции, факультативы и штурмовать кафедру с «вопросиками». Через день с соседнего вещевого рынка исчезнут все полупрозрачные кофточки с разрезами. И даже са-

мые матерые зубрилки – отличницы захотят сдать экзамен по безналичному расчету и большой любви.

На меня смотрели с улыбкой, чуть сузив глаза. Меня пытаются пустить по ложному следу? Он – не преподаватель. Хорошо, сейчас-сейчас...

– Знаешь, когда я впервые тебя увидела, то почувствовала что-то родное. Прямо вспомнила своих подопечных, – вздохнула я, нежно улыбаясь, глядя, как сдвинулись чужие брови, выражая недоверие и скепсис. – Извини, но мне рано вставать. У нас на свиноферме за опоздания штрафуют.

Я отвернулась багажником знаний и опыта, почесала его украдкой под одеялом и почувствовала, как спружинил диван. Меня оставили в одиночестве.

В голове вращался комок противных мыслей, одна из которых обожгла меня, заставив встрепенуться. А вдруг завтра – последний день моей жизни? Я открыла глаза, глядя в бархат дивана. Последний день моей жизни. Почему-то мне всегда казалось, что я еще успею огорчить Пенсионный фонд. Он уже и так задрал планку пенсионного возраста до уровня аксакалов. Еще немного, и пенсию по возрасту будут получать эльфы, вампиры, драконы и Дункан Маклауд. Не удивлюсь, если за его голову будет назначена награда. Я почему-то уверена, что кирпич, который внезапно падает на головы – полноценный сотрудник Пенсионного фонда, получающий отдельную зарплату и премию. Я даже догадываюсь, что передачи из серии «лечим все, кроме доверчиво-

сти», где успешно практикуют уринотерапию, культивируют мочевые компрессы при тромбофлебите и ищут новое применение картофельным очисткам, спонсируются за счет... А, впрочем, не важно. Я такое все равно не смотрю.

Черт! Я уже представила, как специально беру «боевую палку», которая дает плюс сто пятьсот урона всяким «охломонам», вставляю челюсть, готовясь клеймить позором «подрастающее поколение». На скамейке уже сидят такие же бабушки. «Ой, че-то бабочку ломит... Погода меняется!». «А мне в розочку капельницу ставили...». «Упала вчера... Если бы не силикон в груди, то точно перелом был бы...». Я прохожу мимо остановки, где висит объявление о «пропавшей бабушке с расстройством памяти». Характерные черты. Филеры в губах и татуировка внизу живота в виде вензеля и надписи «sexu». Бабушка сама плохо ориентируется, поэтому просьба сообщить о ее местонахождении. Я дохожу до почты, смеряю взглядом народ, «хороводящийся» возле единственного стула, поправляю платок, дающий плюс сто к громкости скандала, потому что плотно зажимает мои уши, и занимаю очередь. Занимаю чем-нибудь полезным. Например, обсуждением последних новостей, нравственного облика подрастающего поколения, цен и политики. В качестве неоспоримого примера я буду приводить, что в наше время даже гопники в подворотне отжимали имущество со словами: «А не изволите ли, сударыня, дать нам свою сумочку. Вам наверняка тяжело ее нести! А вы, сударь, будьте

так любезны отдать нам свой мобильный телефон! Спасибо! До встречи в полиции!». Я буду очень одинокой и очень общительной старушкой.

И тут, не смотря на теплое одеяло, по спине пробежал холодок. А ведь может и не быть чудесной встречи с моим будущим возлюбленным. Не будет первого поцелуя, когда сердце отказывается верить в то, что это происходит на самом деле. Не будет маленького колечка, на которое я буду смотреть сквозь слезы в глазах, когда меня обнимут, поцелуют в висок и тихо прошепчут: «Еська, выходи за меня замуж!». И пока я буду тихо плакать от счастья, мои руки будут греть в своих руках, успокаивая мое разволновавшееся сердце. Не будет двух полосок, о которых я на ушко сообщу любимому, смущаясь и радуясь. Меня не поцелуют, не возьмут на руки, пока я буду тихо плакать от счастья... Не будет теплых ладошек, не будет восторженного: «мама пришла!», не будет детских рисунков, развешанных по стенам, где красный треугольник со шваброй на голове – мама, а огурец с мячом – папа, а к ним тянет ручки-веточки маленький кривой колобок.

Я открыла глаза у себя дома. В окошко сквозь занавеску пробивалось солнце, падая лучами прямо на мои ноги. Вскочив и одернув «ночную» футболку, я бросилась делать себе чай. Мельком взглянув на свою старенькую кружку со сколом на ободке и полустертыми цветочками, я на секунду задумалась. Эта кружка – ветеран всех моих переездов, почет-

ный инициатор чаепитий, автор корявого символа олимпиады на каждом черновике, который я подкладываю под нее, чтобы не поритить чужой стол. Но у меня есть от нее большой секрет. В красивой коробочке, на верхней полке стоит самая красивая кружка на свете. Мне ее подарили на предыдущей работе. Тонкая, длинная, с золотой каймой и рельефным фарфоровым бантом, украшенным блестящими стразами. Я иногда достаю мою «принцессу,» люблюсь ею и ее маленький блюдечком, а потом бережно укладываю в коробочку и ставлю обратно на полочку.

Чайник закипел, сахарница была наготове, а моя старая треснувшая кружка ждала, как ждут немолодые, располневшие ворчливые жены своих супругов, все еще веря в свою неотразимость. Даже трещина на ручке ее не смущала. Так что моей «принцессе» так и суждено умереть старой девой, не изведав всех бурлящих страстей.

Я насыпала сахар в старую кружку, забросила удочку чайного пакетика и села ловить кайф, думая о том, что не все так плохо.

Нацепив облезлую, но теплую кофту, джинсы и накинув куртку, у которой на правом кармане отлетел замок, собрав свои пожитки, я выдвинулась на работу. Я провожала взглядом витрины, зная, что за поворотом будет небольшой магазинчик с претензией на бутик, в котором на витрине висит изумительное платье, облекая идеальную фигуру безликого манекена. Два месяца назад цена его кусалась, как бешен-

ная собака, месяц назад царапалась, как припадочная кошка, а сейчас, в связи с сезонной распродажей, она выглядела очень заманчиво. Мысленно я примерила его раз пятьдесят. В своих мечтах я даже сходила в нем на свидание, произвела невероятное впечатление и была щедро обласкана комплиментами. Вот оно! Я прильнула к стеклу, пожирая взглядом белый кружевной воротничок и манжеты. Но к такому платью нужен явно не потертый портфель ноутбука и ботинки – ветераны. Как говорила моя бабушка: «Куда новое? Носи старое, пока не сносится! А новое если наденешь, так угваздаешь! Пущай висит! Целее будет!». Вспомнив бабушку, я поняла, что покупку такого дорогого красивого платья она бы не одобрила! Никогда!

Первым делом я доделала проект дворца в три этажа и сбросила заказчикам, которые через час позвонили и сказали, что все устраивает. Они приехали на офис, забрали проект, вызвонили Карлсона, который где-то летал, расплатились и ушли. Я потеряла ручки в надежде, что левая сейчас зачесется со страшной силой, но директор молча достал тарелку с «завтраком», большую ложку и начал меня кормить, продвигаясь в сторону выхода, где столкнулся с Димой. Поговорив с директором один на один, Дима молча собрал свои вещи, подарив мне на память свою ложку и пакет с оставшимся кофе.

– Короче, – молния на фирменном Димином портфеле застегнулась с истошным визгом. – Работу нормальную пред-

ложили. Крупные объекты. Госзаказ. Зарплата в два раза больше. Официальная. Ладно, пока! У тебя на почте три проекта. Теперь – твои. Я телефоны заказчиков написал и предупредил. Разберешься.

Дверь закрылась. Я провожала его с грустью и тоской. Нет, ну классно, что есть место, где зарплата выше и есть официальное оформление. Хотя! А вдруг не выше? Вдруг такая же? Или меньше... А бедные работники каждый день грустно заглядывают в пустые кошельки, жуют сухарик, запивая кипятком, и работают по инерции, вспоминая обещания работодателя? Я сразу представила, как захожу в кабинет, а там со всех углов на меня шипят новые «сотрудники». И директор в черном плаще дышит мне в спину, как Дарт Вейдер, проверяя ежесекундно мою работу, обещая «секир – зарплата» в случае малейшей ошибки. Все. Попустило.

Карлсон улетел, но обещал вернуться. Полетел баловаться плюшками со своей Фрекен Бок, пока я, как Малыш, застыла у окна. Кошелек есть, а зарплаты в нем нет.

Я попыталась реанимировать оптимизм, не подававший признаков жизни. Мы его теряем! Срочно нужны хорошие новости! Нет? Как нет? Над беднягой склонились Большая Шоколадка, Кофе и Хорошая Музыка. Оптимизм дернулся. Потом еще раз. И, наконец, пришел в себя. «Где я? – слабым голосом прошептал он, – Где моя Зарплата?». Все Приятности скорбно переглянулись. Оптимизм притих, снова потеряв сознание.

На три часа мой мозг арендовали «инженер» и «дизайнерша». Из ящика стола выглядывала шоколадка, которую я уже успела надкусить. Свежие правки требовали убрать «несущую стену», чтобы «расширить пространство», сделать обитаемый чердак, чтобы «еще было место», как-то «поиграться» с размерами кухни и спальни, увеличив их по максимуму.

В пять часов мне позвонил какой-то унылый Игорь, сообщив, что наш директор договаривался с его директором о том, что мы будем делать сайт.

– Лена, с вас техзадание... И фотографии, – вздохнул «программист». – Директор сказал, чтобы побыстрее. Я нашел ваш старый сайт... Он говорит, что вам должны были дать нашу визитку. И вы должны были перезвонить... Они еще обсуждали рекламу. Я дам вам телефон Иры, которая будет заниматься визитками и буклетами. А по поводу баннеров по городу сказали, что потом решат.

Я клятвенно пообещала собрать всю информацию сегодня, а потом посмотрела на себя в зеркало и поняла, что уже прошла этап фотографии в паспорте и ее неудачной ксерокопии. Теперь семимильными шагами приближаюсь к ксерокопии с ксерокопии. Следующим этапом будет фоторобот. Димины клиенты не отвечали на звонки, а те, кто поднимал трубку, не отвечали за свои слова, заставляя меня переделывать почти все, кроме названия проекта.

Свернувшись аж в десять вечера, отбиваясь от звонков

«инженера и дизайнерши», я двинулась домой. Прислонившись лбом к холодному стеклу автобуса, сжимая в руках ноутбук, я отчаянно зевала, пытаюсь думать о чем-то хорошем. Темные пейзажи сменялись желтыми пятнами фонарей и окон, поплывших в коротких черточках дождя. Вместе с теплом из автобуса выходил один живой поток, запуская холод, и новый поток, отряхивающий плащи и зонты. Где-то тихо и невнятно играла музыка, а дыхание оставляло на стекле дымчатое облако. Сквозь гул я расслышала фразу из одной очень хорошей песни, мысленно пропевая ее вместе с известным исполнителем. Мое ухо безошибочно вслушивалось в знакомый мотив.

В темноте к моим волосам кто-то прикоснулся и осторожно погладил меня по голове. Рука медленно скользнула по щеке, едва касаясь. До кончика моего носа дотронулось что-то теплое. И мне показалось, что вслед за прикосновением к носу я ощутила ветерок дыхания. Близко-близко.

– Девушка! – кондуктор в огромном вытянутом сером свитере, со съехавшим бейджиком, трясла меня за плечо. Я, как сова, которую застали врасплох среди белого дня, вздрогнула, раскрыла глаза и нервно стала осматриваться. – Конечная! Просьба покинуть салон! Мы больше никуда не едем!

– А когда следующий? – простонала я, нервно оглядываясь по сторонам.

– Смотрите расписание! Витя, все, выпроводила! Езжай! –

послышалось недовольное бурчание из-за закрывающейся двери.

Ничего себе! Шесть лишних остановок! Еще не до конца очнувшись, я прикидывала, как бы побыстрее отсюда уехать. Через полчаса я села в автобус и добралась до дома, чувствуя себя разряженным телефоном. После перекуса и душа у меня оставались силы молча доползти до дивана и лечь на него морской звездой.

Открыла я глаза как раз в тот момент, когда мое тело за-таскивали в платье, пытаюсь попасть моей рукой в симво-лический кружевной рукав. Моя рубашка валялась на полу, а меня прислонили к спинке дивана, придерживая, чтобы я не упала. Я норовила снова бухнуться на мятую подушку, но кто-то поставил ногу на диван, придерживая меня и руга-ясь словами, которые лучше не повторять даже в ста метрах от детского сада.

– Ты что творишь? – возмутилась я, чувствуя, что платье было влажным. – Да меня мама так в школу не собирала! И почему оно мокрое! Нельзя дожидаться, когда оно высох-нет?

– Главная ошибка новичков – горящая одежда! Те, кто сражается не в первый раз, пропитывают свою одежду зелья-ми, – ответили мне, запихивая мою руку в рукав и сдувая с лица золотистую прядь. «Есть!» – услышала я, глядя, как прядь снова подпрыгнула вверх, пока ее не заправили пятер-ней, любясь своей работой.

Я опустила глаза вниз, посмотрела на то, во что меня решили вырядить. Весь лиф без исключения был сплошным черным кружевом, сквозь которое было видно все, чем меня наделила природа. Алая многослойная юбка, вместо того, чтобы прикрывать ноги, обнажала их до «ай-я-яй! Как тебе не стыдно!». Больше всего мне не понравилось то, что где-то на уровне колен болтались мокрые кружевные шорты

– Не успел натянуть, – с сожалением выдохнул Феникс, глядя, с каким ужасом я рассматриваю себя и кружевные панталоны. – Хотя, так даже интересней. Но бегать будет неудобно!

– А где... – икнула я, взглядом шаря по валяющейся на полу одежде. Потом ощупала себя. На месте. Эти просто решили нацепить сверху. Чтобы теплее было. А то вдруг замерзну. А так хоть двое трусов будет!

– Времени мало! Приводи себя в порядок, – по моей голове несколько раз проехала расческа – гребень. На столике рядом стояла тарелка с воткнутой ложкой. – Ешь и слушай внимательно.

Я чувствовала, что моя правая мочка уха сильно болит. Я дотронулась до нее пальцами и с удивлением обнаружила, что в ней теперь красуется маленькая сережка – гвоздик.

– Это что за... – возмутилась я, морщась от боли прикосновения и проверяя второе ухо. – Зачем ухо прокалывать, пока я сплю? Что это за шутки! Что это за салон пирсинга и татуажа?

– Будешь вредничать, – Феникс приблизился ко мне, – проснешься с кривой татуировкой в месте, для личного просмотра никак недоступном. А поскольку мои успехи в рисовании не сдвинулись дальше «палка-палка-огуречик», у тебя во всю спину будет корявый человечек.

– А ты тогда вообще не проснешься, – мрачно буркнула я. Феникс слегка отодвинул свои волосы и показал мне точно такую же сережку в своем ухе.

– Это у нас часть корпоративной культуры, – усмехнулся он. – Потом поймешь, для чего.

Мне протянули кольцо – коготь, а следом за ним какое-то массивное кольцо со странным символом, похожим на детский рисунок жука.

– Коготь не выдвигай! Не вздумай! Пока не скажу, не трогай его. Так. Держи кольцо иллюзии. Делает вид, что пускает заклинание огня. Снял с одного трупа. Интересная игрушка. Иллюзия зрелищная, но безвредная. Так что в твоей магической мощи никто не будет сомневаться. Соперники очень нервничают. Пробуй! Только смотри, не целься в противника. Бей рядом. С помощью этого кольца ты сможешь держать его на расстоянии. Учти, оно перезаряжается минуту. На ободке есть символ – гравировка. Кладешь на него палец и готово!

– И...и... и... – занервничала я, осматриваясь по сторонам и направляя кольцо в сторону, нащупав нервность на ободке. В стену ударил внушительный шар огня, заста-

вив меня конвульсивно дернуться назад. Ничего. Шар как появился, так и исчез, не оставив следа на обоях.

– Ты мародерствовал? – спросила я, разглядывая колечко с явным интересом и брезгливостью. – Обыскивал мертвых соперников?

– Не переживай, Рыжик. Я его после этого помыл. С мылом. Три раза, – саркастически ответили мне.

– И что мне делать? – нервы были на пределе, ведь на иллюзии далеко не уедешь!

– Ничего, – заметил Феникс, глядя, как я подтягиваю шорты. – Веди себя так, словно это не поединок, а игра. Шути, смейся, комментируй. Он не станет тебя убивать просто так. Ты ему интересна немного в другом качестве. Но если ты его разозлишь, тогда убьет. Все, бросай ложку. Пошли.

Народ стекался к кругу, предвкушая зрелище. Повсюду горели огни, освещая взволнованные лица, обсуждавшие мой будущий дебют. Среди зрителей были и скептики, которые делали ставки не на меня, фыркая при одном упоминании моего имени, обзывая меня словами нехорошими и посмеиваясь надо мной.

Я нервничала, пока меня вели в сторону Круга. Коленигнулись назад, как у кузнечика, во рту пересохло, а по телу иногда пробегала волна дрожи.

– Слушай меня внимательно, – Феникс наклонился, обводя взглядом толпу. – Среди зрителей найдутся те, кто будет» кричать тебе гадости. Не обращай внимания на крики.

Не дай выбить себя из равновесия. Помни, не все ставили на тебя.

Я мучительно сглотнула, заглядывая ему в глаза: «Может не надо?». Но время уже показывало, что мне пора. Скинув туфли, я шагнула в сторону огня, нервничая так, словно меня ногой заталкивают в клетку к голодному льву, а я настолько перепугана, что даже тявкнуть боюсь...

– А если мне руку оторвут? – проскулила я, цепляясь за его одежду.

– Подберем и придумаем обратно, – утешили меня, осторожно разжимая мои пальцы.

– А если ее испепелят? А если сразу две? – художник – воображение уже рисовало в стиле «пессимизм» ужасающие картины. Венера Милосская намекала на то, что эталоном красоты можно быть и без рук, но меня это не утешало.

– Тогда я оторву у соперника и пришью тебе, – усмехнулся «тренер», пока я представляла, как протягиваю всем большую волосатую руку вместо приветствия. Почему-то мне казалось, что на ней будет татуировка «Колян».

Пламя расступилось. Пришлось сжать кулаки и шагнуть в образовавшийся проход, содрогаясь от ужаса и волнения. И вот показался соперник. Молодой, вполне симпатичный, со взглядом холодным и самоуверенным. Темные волосы были собраны в хвост, на груди висел большой круглый медальон из чистого золота, который приятно контрастировал с черным одеянием. Пока ведущий что-то рассказывал, я

нервничала, осматриваясь по сторонам.

– Как романтично, – перебила я ведущего, пытаюсь совладать со своим неуверенным голосом. – А вообще мне очень приятно, что м-м-мужчина сделал п-п-первый шаг. Большинство мужчин, пока сообразят, пока наберутся с-с-смелости, пока решатся, ты уже трижды бабушка! Но не переживайте! Если вы надумаете лет через тридцать – пятьдесят подкатить ко мне с «интересным предложением», единственным оправданием в моих глазах будет только то, что вы всю жизнь собирали на него деньги!

Толпа рассмеялась. Кто-то засвистел.

– Кто твой учитель? – поинтересовался соперник, рассматривая меня так, что продавцы-консультанты неслись бы со всех ног с криками: «вам завернуть?»

– Опыт. А экзамены принимают неприятности, – усмехнулась я, чувствуя, что публике моя шутка пришлась по вкусу. Я немного осмелела, понимая, что убивать меня будут только в крайнем случае. Я надеюсь.

Неожиданно для себя я услышала шепот на ухо. Отчетливый и знакомый. Как раз в то ухо, которое болело после пирсинга.

– Протяни ему руку! – прошептали мне, пока я нервно осматривалась по сторонам. Ах, вот для чего нужна сережка! Теперь понятно! – Давай, протягивай руку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.